

Сокровища Аттилы

Автор:

Томас Перри

Сокровища Аттилы

Клайв Касслер

Томас Перри

Приключения Фарго #4

Захватывающие приключения команды охотников за сокровищами – Сэма Фарго и его жены Реми – продолжаются!

Многие столетия велись поиски окутанной легендами могилы Аттилы – короля гуннов, покорителя народов, одного из величайших завоевателей в истории...

Старый друг семьи Фарго, профессор, связывается с Сэмом и Реми, чтобы сообщить о сделанном им великом открытии – он нашел могилу Аттилы!

Сэм и Реми отправляются в путь, не подозревая, что за ними следуют «черные археологи», готовые ради наживы на все. Если эти люди опередят Фарго, человечеству никогда не раскрыть загадку Аттилы...

Клайв Касслер, Томас Перри

Сокровища Аттилы

Clive Cussler & Thomas Perry

THE TOMBS

Печатается с разрешения Sandecker RLLLP и литературных агентств Peter Lampack Agency, Inc. и Nova Littera Ltd., Россия.

© 2012 by Sandecker, RLLLP

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Паннония, Римская провинция, 453 год н. э

Лагерь варваров был огромен. Целый город передвигался с места на место по воле его повелителя, великого царя. Но в предрассветных сумерках в лагере царило смятение. Всюду толпились тысячи воинов, их шумные женщины и неугомонные отпрыски. Сотни тысяч лошадей, коров, овец и коз своими тревожными криками сопровождали рассвет. Вонь скота смешивалась с дымом поспешно разведенных костров.

Разбудивший Приска слуга был уверен – сегодняшней внезапный переполох сулит им расставание с жизнью. Приск торопливо шагал по неровной земле, стараясь не подвернуть ногу в оставленной колесами колею и не угодить в яму. Он шел за Эллаком, тщетно пытаясь не отстать от него, в легких кожаных сандалиях, предназначенных для ходьбы по ровным мостовым Константинополя. Приск пошел медленнее, чтобы сохранить осанку и достоинство римлянина. Он дипломат и, так сложилось, человек, который сегодня пишет историю этого знаменательного дня. Его призвал к себе Эллак, сын царя, ведь в ближайших окрестностях, на много миль вокруг, Приск – самый ученый человек и может спасти жизнь царя. Но крики свидетельствовали: они опоздали.

Приск старательно маскировал страх. Варвары носились вокруг, доводя друг друга до бешенства. Они, как собаки, чуют опасность. С самого рождения обученные убивать, они, вдохновленные яростью, победоносно прошли из

глубин Азии к центру Европы. Они выбегают на любой шум, и увидеть их без мечей и кинжалов так же немыслимо, как без ног и рук. Если сегодня они почуют в нем, чужестранце, страх, то тотчас разорвут на куски.

Эллак провел его в просторный шатер царя. Приск был почти на голову выше большинства варваров с далекого Востока, низкорослых и широкоплечих, с мощными руками и ногами, с дублеными лицами. Приск через головы людей, закрывавших обзор, заглянул во внутреннюю часть шатра. Там предположительно находился царь. Воины у входа уже достали кинжалы и резали себе щеки, кровь текла по их лицам, как слезы.

Приск лавировал между полуобезумевшими людьми. Он увидел молодую жену царя Ильдико, скорчившуюся на богатых коврах как можно дальше от мужа. Она плакала, но никто ее не утешал. Приску показалось – ее вообще никто не замечает.

Когда один из стражников повернулся к друзьям, чтобы показать лицо, рассеченное коротким мечом, Приск проскользнул мимо него. Он взглянул на царя и сразу понял, из-за чего молодая жена в ужасе. Великий варвар, *Flagellum Dei*[1 - Бич божий (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.], лежал навзничь на мягкой шелковой постели, раскрыв рот, словно пьяный. Из рта и носа текла кровь, уже образовалась лужа возле головы.

Приск прошел в угол и поднял Ильдико. Чуть сдвинув пряди длинных светлых волос, он прошептал ей на ухо:

– Всё. Он умер, тебе нечего здесь больше делать. Идем.

Ильдико, очень красивая и совсем юная, привезенная из германского племени в жены завоевателю, была седьмой женой царя. Она владела латынью не хуже родного готского, но Приску не было известно, какие языки знают стражники, поэтому ничего более он не сказал. Он вывел Ильдико на свежий воздух, в рассвет. Она казалась слабой и бледной, как призрак. Приск надеялся увести ее подальше, пока какой-нибудь воин не заподозрил ее в смерти царя. Невежды часто подозрительны: даже если человек погиб от удара молнии, кто-то ведь мог ее вызвать?

Приск заметил стайку служанок и свиту, прибывшую вместе с невестой. Все они стояли в стороне и с тревогой наблюдали за происходящим. Приск передал им Ильдико, и они торопливо удалились.

Приск смотрел им вслед, желая убедиться, что им не помешают уйти, когда двое грубо схватили его за руки. Он повернул голову и едва узнал, хотя не раз видел обоих у царя. Оба рассекли щеки в знак траура, так что кровь заливала всю нижнюю часть лица. С тех пор как Приск сидел рядом с ними за пиршественным столом на царской свадьбе, их поведение разительно изменилось. Эти двое силой втащили его в царский шатер, и воины перед ними расступились.

Тело лежало на прежнем месте. Над ним стояли Ардарих, царь гепидов, и Онегесий, самый близкий друг Аттилы. Ардарих наклонился, поднял кувшин с вином, которое царь пил перед смертью, и произнес:

– Это вино вчера вечером налила ему Ильдико.

Онегесий взял кубок, лежавший рядом с телом царя.

– Он уже несколько недель болел, у него кровь шла носом, – сказал Приск. – Скорее всего, пока он спал, болезнь усилилась и он захлебнулся кровью. Такое возможно.

Ардарих презрительно фыркнул:

– Никто не умирает от кровотечения из носа. Он всю жизнь сражался, много раз был ранен, но никогда не терял столько крови, чтобы умереть. Это яд.

– Почему ты так думаешь? – спросил Приск, удивленно округляя глаза.

Ардарих стал говорить:

– Четыре года назад император Феодосий прислал тебя со своим посланником Максимином. Твой переводчик Вигилас участвовал в заговоре, целью коего было убийство Аттилы. Вместо того чтобы казнить вас всех, Аттила отослал тебя обратно в Константинополь. Возможно, это была ошибка. Похоже, не только Вигилас приехал, чтобы убить царя.

Онегесий налил вина в кубок царя и протянул его со словами:

– Докажи, что не ты отравитель. Выпей.

Приск ответил:

– Не знаю, отравлено ли вино. Если отравлено, то не докажет, что я отравитель. Я не был здесь с царем и его женой в последнюю ночь. Это вино может только убить меня.

– Твой страх выдает тебя. – Свободная рука Онегесия двинулась к рукояти меча.

Приск взял кубок.

– Если я умру, помните: я не виноват. – Он поднес кубок к губам и осушил.

Остальные ждали, внимательно наблюдая за ним. Эллак сделал шаг и спросил:

– Ну, Приск?

– Ничего не чувствую. Вкус как у вина.

– Горький? Кислый?

– Как у любого вина – сладковатый, фруктовый, но отдает уксусом.

Ардарих понюхал кубок, коснулся пальцем вина и капнул на язык. Через некоторое время кивнул Онегесию, бросил кубок на ковер у тела царя и вышел. Столпившимся перед шатром воинам он объявил:

– Яда не было. Царь умер от болезни.

Вслед за Ардарихом Приск покинул помещение и пошел сквозь толпы воинов. С перекошенными от боли окровавленными лицами они представляли собой пугающее зрелище. Эти люди всю жизнь только убивали, сражались, ели и иногда даже спали верхом на лошадях. За три поколения победоносные племена

прошли от степей за Волгой до Галлии. Сегодня утром у них отняли их великого вождя. Кто знает, что горе и гнев могут заставить их сделать с чужаком в чужой стране?

Приск шел быстро, опустив голову, не глядя на воинов, спешивших к царскому шатру. Он прошел в свою палатку и выставил на алтаре ряд горящих свечей, чтобы помолиться за душу Атиллы. В конце концов, Атила прислушивался к словам Приска и других римлян о христианстве. А однажды даже встретился в Мантуе с Папой Львом и вел с ним переговоры. Кто-то заронил в его душу семя веры. И вообще сейчас лучше оплакивать его как можно заметнее. Приска вырвало; он выпил много воды, его снова вырвало, и это принесло некоторое облегчение.

Позже в тот же день он покинул свою скромную палатку и отправился к центру лагеря. Царский шатер убрали. Неподалеку расчистили большое открытое пространство, и на нем посреди лагеря воздвигли огромный шатер из белого шелка. Ткань раздувалась на ветру. Приск подошел ко входу и заглянул внутрь. В центре на высоком помосте выставили для прощания тело царя в ярких роскошных пурпурных и красных одеждах, как подобает царю-воину, убранное дорогими украшениями из золота и драгоценных камней.

Вокруг помоста ездили свирепые всадники, лучшие воины царя, многие из них предводители различных племен и народов. Они раз за разом объезжали помост по кругу, воспевая подвиги и битвы Атиллы; лица у них были изрезаны, кровь стекала по ним, как слезы. Они пели о том, что царь являлся великим вождем и из-за его смерти должны пролиться не только светлые слезы женщин, но и алые слезы воинов. Приск видел: кровь промочила их бороды и капала с подбородков на одежду и гривы лошадей.

Приск встал на колени и прижался лбом к земле, чтобы воины поняли: он по-своему проявляет уважение. Потом он вернулся к себе, провел там следующие три дня, описывая жизнь царя Атиллы и его смерть в брачную ночь. К нему приходили посетители; они рассказывали об удивительных подвигах, которым были свидетелями, а кое-кто упоминал о соперничестве между Эллаком, старшим сыном, и Денгизиком, вторым по старшинству, и о негодовании Эрнака, третьего сына. Старшие не принимали его во внимание. И еще говорили о негодовании Ардариха: трое сыновей царя не могут сохранить единство хотя бы до погребения отца.

На следующее утро Приск подошел к белому шатру и увидел: тело царя при свете сотен светильников готовят к погребению. Наследники Аттилы поместили его в три гроба. Внешний и самый большой был из железа. В него вложили гроб из серебра. Третий гроб – из чистого золота. Гробы заполнили драгоценным оружием множества царей и королей, побежденных Аттилой. Он поглотил сотни азиатских племен, разгромил аланов, остготов, армян, бургундов, опустошил Балканы, Фракию, Скифию и Галлию. В Италии он разграбил Мантую, Милан и Верону и захватил большую часть Северной Италии, разбил легионы обеих столиц Римской империи – Константинополя и Рима.

В трех гробах покоились также груды драгоценных камней и сверкающего золота, при взгляде на них захватывало дух; все это отражало огни факелов и светильников, да и сами гробы представляли собой огромную ценность. Приск не мог не думать о том, что на внутренний гроб пошла ежегодная дань Восточной Римской империи Аттиле – две тысячи сто фунтов золота. В глаза бросались многоцветные вспышки внутри: холодная зелень изумрудов, кроваво-красный блеск рубинов, глубокая синева сапфиров, яркие гранаты, густо-синяя ляпис-лазурь, желтый янтарь, нефрит цвета молодого горошка. Трудно было понять, что сильнее притягивает взгляд.

К ночи собралось около тысячи человек – личные телохранители Аттилы. Они закрыли гробы крышками, поставили их на огромную восьмиколесную повозку, способную выдержать гигантскую тяжесть, и уехали во тьму, освещая себе дорогу факелами.

Несколько недель спустя Приск готовил караван ослов для долгого пути домой – ему предстояло явиться с докладом к императору Маркиану. Целый месяц придется из этих варварских мест добираться в Константинополь, но сейчас он бы с радостью отправился и пешком. В полдень лагерь вновь охватило смятение, люди показывали куда-то вдаль и кричали на многих языках, и он пошел узнать, что случилось.

В огромный гуннский лагерь возвращался погребальный отряд. Они скакали галопом, и задолго до их появления в степи взметнулась поднятая ими пыль.

Ардарих, Онегесий, все три сына Аттилы – Эллак, Денгизик, Эрнак – и огромная толпа воинов встречали их на границе лагеря. Тысяча всадников подъехала, все спешили и поклонились вождям. Оказывая им необычайную честь, вожди поклонились в ответ. Эллак, старший сын Аттилы, выступил вперед, подошел к

командиру отряда, воину по имени Мозу, положил руку ему на плечо и приказал:

– Рассказывай.

– Мы отвезли царя далеко на излучину реки, – поведал Мозу, – туда, куда редко забредают путники. Вырыли могилу глубиной в рост двух высоких мужчин, сделали наклонный вход и внесли туда гроб. Потом мы закопали склеп и проход в него, много раз прогнали по этому месту тысячу наших лошадей, и сейчас невозможно узнать, где гроб. В конце мы сумели повернуть реку, чтобы она вечно текла над могилой царя.

Эллак обнял Мозу, затем забрался на телегу, запряженную волами, и произнес речь. Он поблагодарил воинов, которые стояли рядом с его отцом в битвах и защищали его тело после смерти. И, прежде чем спрыгнуть с телеги, тихо произнес:

– А теперь убейте их.

Тысячу человек поглотило море собравшихся воинов. Приску показалось, что эта тысяча исчезла, как пловцы в пучине. Здесь ушла вниз голова, там – еще несколько. Они погружались под тяжестью целого войска. Приск видел: никто из этой тысячи не сопротивлялся, никто не пытался сесть на лошадь и ускакать. И не мог понять, была ли эта казнь неожиданностью для них или они заранее знали, какая участь им уготована.

Затем тела павших присыпали землей там же, где они были повержены. Вожди сказали об их верности, чести и храбрости. Приску пришло на ум, что гунны считают это массовое убийство естественным сопровождением смерти великого царя. Она – всеобщее огромное несчастье.

На рассвете нового дня Приск выехал из лагеря во главе каравана из сотни ослов, нагруженных припасами, среди них были спрятаны несколько драгоценных предметов: письменный отчет о поездке к варварам, личные книги и несколько памятных подарков гуннов. Он также взял с собой юную жену-вдову, Ильдико, обещав вернуть ее родителям в землях германцев, когда удастся организовать путешествие туда.

Когда они уехали от лагеря варваров на день пути, Приск подошел к ослу Ильдико и заговорил с ней:

– Видишь, девочка? Я же обещал тебе полную безопасность. Варвары поверили, что яда не было, и мы с тобой не стали пленниками.

– Я слышала, тебя заставили выпить это вино. Почему ты не умер?

– Яд следовало давать заранее и долго, чтобы он вызвал кровотечение и не давал крови свертываться. Я много недель давал его Аттиле. В его теле собралось достаточно, чтобы последняя доза, которую дала ты, заставила его истечь кровью. Но думай о более приятных вещах. Скоро ты будешь очень богата.

– Оставь себе мое золото, – ответила она. – Я сделала это ради своих соплеменников, которых он убил. Только отвези меня домой.

– Император захочет отправить тебя домой с наградой. Наше деяние, вероятно, спасло империю от гибели.

– Мне все равно, что будет с империей.

Приск пошел вперед, размышляя. Он все устроил превосходно: сам собрал сладкий клевер, терпеливо высушил его, позволил заплесневеть и изготовил яд, который невозможно обнаружить и который вызывает смерть как от болезни. На ходу он составлял часть своего отчета о времени, проведенном у гуннов. Он все опишет: свою миссию четырехлетней давности с Максиминем, когда в подготовке убийства обвинили переводчика Вигиласа, действия варваров, личность верховного вождя.

Конечно, он не станет расписывать подробности смерти царя. Если прием не раскрыть, то можно использовать его снова. Очень скоро на Восточную Римскую империю опять нападут враги. Ее легионы не смогут бесконечно сдерживать волны варваров, ведь каждая их волна многочисленнее и свирепее предыдущей. Простая арифметическая задача. Тонкие методы Восточной империи позволяют преодолеть численное превосходство – чтобы отвести гуннскую угрозу, император послал одного-единственного человека, не так ли? Восточная империя продержится еще тысячу лет.

«Ильдико очень красива, – подумал он. – Стройная, грациозная фигура, молочно-белая кожа, золотистые волосы – все это очень привлекательно. А если оставить ее себе? Это сделало бы победу над Аттилой еще более полной. Но нет! Так поступил бы недалёковидный римский посол».

Глава 2

У берегов Гранд-Айла, штат Луизиана, США, 2012 год н. э

Реми Фарго в ластах плыла в теплой воде Мексиканского залива. Она занималась своей работой. Ее сетчатый мешок почти наполнился черепками глиняного горшка, прежде погребенного в песке. По ее оценке тысячу лет назад этот горшок был примерно десяти дюймов в ширину и четырех в глубину, и она решила: похоже, собрала все обломки. А если положить в сетку еще что-нибудь, то можно поцарапать гладкую поверхность черепков. Реми взглянула вверх, на темные очертания лодки на серебристой при виде снизу водной поверхности в шестидесяти футах над ней. Потом выдохнула, выпустила цепочку пузырей, и те серебряными шариками стали подниматься.

Перехватив взгляд своего мужа Сэма, Реми приподняла мешок и большим пальцем показала: подъем. Он поднял то, что ей поначалу представлялось похожим на оленьи рога, и кивнул. Реми несколько раз несильно оттолкнулась от воды ногами, и ее стройная красивая фигура устремилась вверх в окружении сверкающих анчоусов, казалось – возле нее разразилась снежная буря. Вскоре рыбки отстали, и она вырвалась на поверхность. Реми сразу увидела поодаль чужую лодку, поэтому быстро нырнула, подплыла к лодке с другой стороны и стала ждать Сэма. Показались поднимающиеся пузыри, потом его голова и маска.

Реми достала загубник, несколько раз вдохнула и произнесла:

– Они снова здесь.

Сэм подплыл к корме, держась ближе к борту, чтобы оставаться частью силуэта лодки.

– Да, это они, та же лодка, черный корпус снизу, серый сверху. – Он снова поглядел. – Те же пятеро... нет, шесть человек.

– Третий день подряд.

– Вероятно, они считают, что мы нашли затонувший остров Атлантида.

– Ты все шутишь, а вдруг это правда? Атлантида ни при чем, конечно, но они не знают, что мы здесь делаем. Это побережье штата Луизиана. Мы можем искать испанский корабль с сокровищами, затонувший в бурю. Или корабль времен Гражданской войны в США, потопленный в блокаду.

– Или «Шевроле» 2003 года, его кто-то сбросил с моста выше по течению реки. Под нами шестьдесят футов воды. Они, вероятно, просто пьют здесь пиво и натирают друг друга кремом для загара.

Реми подплыла к Сэму и выглянула из-за его плеча, чтобы увидеть другую лодку:

– Спасибо за отсутствие любопытства, господин шутник. Они идут за нами и следят за нашими действиями. Ты видел? Солнце вспыхнуло на линзах.

– Должно быть, меня снимают папарацци.

– Будь смелее! Но помни: если незнакомцы полагают, будто ты нашел кое-что ценное, это не менее опасно, чем если бы ты действительно что-то нашел. Воры сначала нападают, а уже потом считают твои деньги.

– Ладно, – ответил он. – Но они уже три дня держатся на расстоянии. Если подойдут ближе, поговорим. А пока нужно нанести на карту эту затонувшую деревню. Прошедшие несколько недель были интересными, но я не хотел бы остаток жизни посвятить спасательной археологии.

Сэм и Реми Фарго всегда утверждали: их репутация охотников за сокровищами связана с отсутствием в тот день других новостей, поэтому они привлекли внимание нескольких репортеров с сильно развитым воображением. Их объединяли интерес к истории и стремление во всем разбираться

самостоятельно. Этой весной они вызвались заняться дайвингом по поручению властей штата Луизиана. Археолог по имени Рей Холберт осматривал берег, чтобы определить ущерб от просачивания нефти после того, как были уничтожены старые нефтяные скважины, и нашел несколько глиняных черепков, выброшенных водами Мексиканского залива. Керамику изготовили определенно туземцы. Он попросил у нефтяной компании грант для спасения того, что осталось от затопленной деревни. Когда Сэм и Реми услышали об этом проекте, то предложили помощь – за свой счет.

– Спустись со мной, – сказала Реми. – Кажется, я нашла еще один очаг. Захвати камеру.

Сэм перегнулся через планшир и дотянулся до камеры для подводной съемки, затем они снова нырнули. Реми указала Сэму на очаг, а сама взяла камеру и принялась фотографировать со всех точек разбросанные повсюду черепки. Он следил за ее грациозными движениями – в гидрокостюме она походила на собственную тень – и заметил прядь рыжих волос, выбившуюся из-под капюшона на лоб. Поймал взгляд ее ярких зеленых глаз сквозь маску... и заставил себя отвлечься и посмотреть на круг обожженных камней, их Реми обнаружила под песком. Они старательно заполнили сетку новыми обломками, чтобы каталогизировать их и нанести на карту место обнаружения.

Внезапно Сэм и Реми услышали гудение винта. Звук усиливался. Посмотрев вверх, они увидели подводную часть черного корпуса, тот разбрасывал воду в обе стороны и на большой скорости приближался к их лодке. Они видели винт и длинный спиральный след из пузырьков за кормой.

Их лодка закачалась; якорная цепь натянулась, удерживая ее, а потом снова ослабла – вторая лодка замедлила ход и наконец остановилась в ярде от лодки Фарго. Минуту или две спустя винт черного корпуса снова заработал, чужая лодка стала уходить на большой скорости, подпрыгивая на каждой встречной волне.

Сэм показал вверх, и они всплыли на поверхность. Реми поднялась на борт судна по лесенке, Сэм за ней. Они принялись снимать костюмы, тут Реми сказала:

– На этот раз они подошли совсем близко. Хорошо, нас не было наверху.

Она видела, как играют желваки на щеках Сэма.

– Полагаю, они захотели взглянуть на предметы, поднятые нами со дна.

– Надеюсь, они хорошо все рассмотрели, – отозвалась она. – Не хочу быть разрезанной винтом из-за горстки черепков и кучки древних раковин.

– Давай посмотрим, кто это такие, – предложил Сэм, включил мотор и прошел на нос.

Реми села за руль и повела лодку так, чтобы две лапы якоря высвободились и он потащился за ними по песчаному дну. Сэм на ходу поднял якорь и устроил внутри бака. Реми развернула лодку, чтобы Сэм смог подобрать буюк с красным полосатым флажком, предупреждающим о ныряльщиках; Сэм вытащил легкий якорь и вместе с буйком положил на корму.

Реми передвинула ручку газа вперед, лодка увеличила скорость и направилась к гавани Гранд-Айла.

Сэм прошел вперед, остановился возле Реми, оперся на крышу небольшой каюты, поднял бинокль и принялся осматривать горизонт. Они шли вдоль берега, длинные рыжие волосы Реми развевались на ветру. Сэм сказал:

– Я не вижу их лодки. Должно быть, ушли в гавань. Чего и нам желаю.

Реми на большой скорости привела лодку в гавань, но у входа резко сбросила скорость. Впереди поперечным курсом шел катер береговой охраны.

– Хороший расчет, – отметил Сэм. – Тебе пришлось бы похлопать ресницами, чтобы тебя не оштрафовали за превышение скорости.

– Не оштрафуют – я ничего не нарушаю, – произнесла она и похлопала ресницами. – Можешь взять руль.

Реми шагнула в сторону, Сэм встал на ее место и еще больше замедлил ход лодки – до скорости пешехода. Реми пригладила растрепавшиеся волосы и посмотрела на Сэма.

– Ты все еще ищешь их?

– Просто любопытно. Долго ли нас повсюду будут преследовать самозванные искатели сокровищ и воры, обычные и могильные?

– Вероятно, ты дал слишком много интервью. Кажется, это одна из тех девиц с бостонского телевидения – та, с длинными черными волосами. – Она улыбнулась мужу. – Могу понять, почему ты охотишься за каждым ее словом. Она так интеллигентно выговаривает слова, что ее вопросы порой звучат даже умно.

Сэм ответил на улыбку Реми, но не повелся.

В поисках черно-серой лодки они продолжали разглядывать доки, но ничего не увидели. Наконец добрались до дока, где давали ныряльщикам лодки напрокат. Они вошли, привязали лодку и спустили с борта амортизаторы. Складывая гидрокостюмы и вынося на причал баллоны для отправки в магазин Дэйва Кармоди на перезарядку, они все еще высматривали черно-серую лодку.

– Эй, Фарго! – Им махал с причала Рей Холберт; причал на понтонах чуть раскачивался под его тяжестью. Все движения этого высокого краснолицего мужчины были полны энергии, шагал Рей широко, а жестикулировал размашисто.

– Привет, Рей! – поприветствовала его Реми.

– Нашли что-нибудь?

Сэм приподнял брезент на корме и показал несколько сеток с находками:

– Много обломков керамики каменного очага, несколько кремниевых инструментов, оленьи рога с отрубленными концами, вероятно, ради изготовления наконечников. Все находки нанесли на карту.

Реми протянула камеру:

– Все здесь. Можете скинуть на свой компьютер. Ориентируйтесь на груды мусора.

– Здорово, – похвалил Рей. – Мы слегка опережаем график. Надеюсь, успеем нанести на карту все три затопленные деревни на побережье и осмотреть их, прежде чем деньги гранта закончатся.

– Тогда мы немного поможем, – пообещал Сэм. – Поработаем еще.

– Поживем – увидим, – ответил Рей.

– Поезжайте на своей машине за нами, к нашему коттеджу, – сказала Реми. – Мы передадим вам последние находки. Карты и фотографии готовы, артефакты и кости каталогизированы и привязаны к схеме. Мне станет спокойнее, когда вы все заберете.

– Хорошо, – согласился Холберт. – Мы уже многое узнали об этих людях. А раньше не знали буквально ничего. Эти деревни находились прямо над берегом. Углеродный анализ показывает: поднимающееся море затопило их примерно в 700 году нашей эры. Все деревни были примерно одинаковыми: пять или шесть семей в маленьких жилищах с каменными очагами. Питались рыбой, выловленной в море, но и охотились на суше. Эта первая находка очень значительная.

– Вы полагаете, пора перебираться на новое место? – спросила Реми.

– Послезавтра я перемещаю всех на несколько миль к западу. Там не один десяток, возможно, перспективных мест, и каждая группа ныряльщиков проверила только по одному. Послезавтра все группы перейдут на новые места побережья Каминада. Так мы по крайней мере узнаем, с чем имеем дело, до того как начнем терять летних добровольцев. Когда заглянем под воду, вероятно, исключим большинство мест.

Через десять минут они входили уже в небольшой коттедж, который Сэм и Реми снимали недалеко от пляжа на южной стороне Гранд-Айла. Это был одноэтажный дом на сваях, белый, обшитый досками, с фасада – большое крыльцо, где на исходе дня они часто сидели и чувствовали приятные дуновения ветра с Мексиканского залива. В путешествиях Сэм и Реми любили сохранять

анонимность, простая обстановка в этом коттедже не свидетельствовала о финансовой состоятельности супругов – низкий навес над порогом, два больших окна с почти панорамным видом на воду, две комнаты и небольшая ванная. Одну комнату Фарго превратили в склад и рабочую мастерскую, куда приносили объекты, найденные в затонувшей палеоиндейской деревне. А ведь Фарго являлись мультимиллионерами.

Рей Холберт зашел вместе с ними; Сэм показывал находки, пока Реми принимала душ, и передал ему схему – решетку с тщательно отмеченными точками мест находок артефактов. Были также флешки со снимками, сделанными Реми: все объекты фотографировались относительно других. Найденные предметы супруги уже уложили в пластиковые ящики.

Холберт просмотрел разбитую на квадраты схему деревни и артефакты.

– Судя по количеству оленьих рогов и костей, подъем уровня воды сильно изменил ландшафт. Вероятно, раньше здесь высились горные кряжи, поросшие лесом. А теперь преобладают отмели и равнины.

– Жаль уезжать отсюда, – сказала Реми, уже одетая по вечерней моде Гранд-Айла: шорты, свободная футболка и шлепанцы. – Хотя по нашим «хвостам» я скучать не буду.

– О чем это вы? – спросил Холберт.

– Вероятно, по причине нашей известности, – объяснил Сэм. – За нами следит одна дайверская лодка. Они отыскивают, где мы остановились, и наблюдают в бинокли. Сегодня они подошли на расстояние ярда к нашей лодке, как будто хотели увидеть, что мы подняли.

– Странно, – удивился Холберт. – Впервые о них слышу.

– Ну я же сказал, возможно, все дело в нас. Расплата за публикации о нас в газетах, – сказал Сэм и посмотрел на Реми. – Или, может, виноваты снимки Реми? Я помогу вам перенести вещи в грузовик, потом уж пойду в душ.

Через двадцать минут грузовик Холберта наполнился. И вскоре все трое ужинали в ресторане устрицами, жареными креветками под майонезным соусом ремуладом, красным окуном, выловленным только что, и бутылкой охлажденного шардоне с калифорнийских виноградников Кистлера. Когда ужин подходил к концу, Сэм спросил:

– Как вы считаете, заказать еще бутылку?

– Нет, спасибо, – ответил Рей.

– Мне тоже не нужно, – отказалась Реми. – Завтра у нас последний день в этой деревне, я хочу начать пораньше. Потом на новом месте несколько дней мы будем нырять впустую.

– Возможно, – согласился Сэм.

Фарго попрощались с Реем, вернулись в коттедж, заперли дверь, выключили свет и уснули под звуки волн, набегающих на берег. Только вентилятор под потолком лениво крутился всю ночь.

Сэм проснулся, когда первый луч солнца пробился через щель между занавесками. Он тихо, на цыпочках, чтобы не будить Реми, направился в ванную, но вдруг обнаружил: одетая жена сидит на пороге с чашкой кофе и смотрит на Мексиканский залив.

Сэм и Реми купили в кофейне круассаны и кофе, приехали на пристань, прошли вдоль причала к доку, где оставили свою лодку, и остановились.

– Видишь? – прошептала Реми.

Сэм кивнул, прищурился, разулся и неслышно ступил на палубу. Дверь каюты была закрыта, но висячий замок на двери кто-то сбил тяжелым ударом. Сэм откатил раздвижную дверь и заглянул в каюту.

– Наше оборудование испорчено.

– Насколько серьезно?

– Точный технический термин – полностью вывели из строя. – Сэм достал мобильный телефон и набрал номер.

– Дэйв? Привет. Говорит Сэм Фарго. Утро принесло проблемы. Мы на пристани, и нашу лодку, которую мы взяли у вас напрокат, кто-то повредил. Похоже, сломали терморегуляторы и изрезали резину масок и ластов. Не могу сказать, что сделали с баллонами, но я бы ставил их под давление осторожно. Двигатель и бак с горючим еще не проверял. Если сможете поставить новое оборудование, мы продолжим работу. А я пока позвоню в полицию.

Дэйв Кармоди ответил:

– Подождите, Сэм. Через полчаса привезу все, что вам нужно. С копами лучше свяжусь я. Гранд-Айл невелик, меня все знают и понимают: им предстоит жить со мной еще двадцать лет.

– Спасибо, Дэйв! Мы будем ждать здесь. – Сэм убрал телефон, сел на носу и некоторое время, не шевелясь, смотрел на открытую воду. Реми внимательно наблюдала за ним.

– Сэм?

– Что?

– Обещай не замышлять ничего грандиозного.

– Грандиозное не буду.

– Нужно готовить деньги для залога?

– Необязательно, – ответил он.

Несколько минут она думала, по-прежнему разглядывая его, потом взяла свой телефон и набрала номер.

– Делия? – спросила она. – Это Реми Фарго. Как дела? Да, просто замечательно. Генри в суде или еще где-то? Спасибо, я хотела бы поговорить с ним сейчас. Замечательно. Спасибо. – Ожидая, Реми прошла на корму. – Генри? Хочу попросить вас о небольшом одолжении. – Она понизила голос, чтобы Сэм ее не слышал. Потом повернулась и пошла обратно к нему. – Спасибо, Генри. Если немного подтолкнете его, я буду благодарна. Пока.

– Что за Генри? – поинтересовался Сэм.

– Генри Клей Барлоу, наш адвокат.

– А, этот Генри.

– Он говорит, что нам не нужен залог, обещал позвонить в Новый Орлеан своему другу. Если понадобится, тот прилетит на вертолете с мешком денег и судебным предписанием. Генри говорит, что этот человек скользкий, как угорь.

– Генри, наверно, считает такую характеристику комплиментом. Во что это нам обойдется?

– Зависит от его действий.

– Хорошая мысль. – Сэм услышал звук и посмотрел на причал. – А вот и Дэйв.

В конце причала остановился грузовик. Дэйв с ящиком инструментов в руке вышел на понтонный причал; рядом с ним шагал полицейский в форме, рослый, светловолосый, с широкими плечами и заметным животиком – форменная рубашка на нем натянулась, грозя лопнуть.

– Привет, Сэм, – произнес Дэйв и слегка поклонился. – Реми!

Сэм встал.

– Быстро прибыл, Дэйв.

– Это сержант Рон Ле Февр, решил сам взглянуть, прежде чем мы заменим ваше оборудование. – Осмотрев лодку, Дэйв сразу показал на каюту. – Посмотрите-ка

на дверь каюты. Это привозное твердое дерево, отлакированное так, что перед ним можно бриться.

Сержант Рон Ле Февр прошел на лодку.

– Рад познакомиться! – Он достал из сумки фотоаппарат и принялся фотографировать повреждения. Между делом спросил: – Мистер Фарго, что, по-вашему, происходит? Что-нибудь украдено?

– Нет, насколько я вижу. Только сломано.

– Кто-нибудь здесь на вас обижен?

– Нет, как мне известно. До последнего времени все были весьма дружелюбны.

– У вас есть какие-то предположения?

Сэм пожал плечами. Реми, удивленная и рассерженная, посмотрела на него.

– Хорошо. Я составлю протокол, – сказал сержант Ле Февр. – Дэйв сможет предъявить его страховой компании. Прежде всего я хочу проверить, не ночевал ли здесь кто-нибудь. Может, кто-то что-нибудь видел.

– Большое спасибо, сержант, – поблагодарил Сэм и стал помогать Дэйву Кармоди переносить поврежденное оборудование в грузовик, а новое на лодку. Потом он включил двигатель, открыл люк, и они с Дэйвом послушали его работу. В конце проверили все провода и шланги. Перед отъездом Дэйва Сэм поделился своими мыслями:

– Дэйв, вероятно, кто-то интересуется нашими находками. В последнее время мы стали известны, и, вероятно, это расплата. Подсчитайте стоимость и пришлите нам счет. Не хочу, чтобы вы обращались к страховщикам и они повысили бы цену вашей страховки.

Дэйв пожал ему руку:

– Спасибо, Сэм. Это очень предусмотрительно.

Как только Фарго остались одни, Реми спросила:

– Никаких предположений, Сэм? А как же люди в черно-серой лодке? Они уже несколько дней нас преследуют!

– Я ведь не сказал нет. Только пожал плечами.

– Ты не хочешь, если случится что-нибудь еще непредвиденное, чтобы это попало в отчет сержанта?

– Если этих людей что-нибудь расстроит, мне не хотелось бы, чтобы в полицейском отчете говорилось, что я их подозреваю.

– Понятно, – кивнула она. – Похоже, нам предстоит интересный день.

Прежде чем отдать швартовы, Сэм прошелся по лодке и проверил, все ли на месте. Реми включила двигатель и медленно вывела лодку из дока в Мексиканский залив. Впереди на горизонте голубая вода и голубое небо встречались, затем уходили в бесконечность.

Лодка обогнула мол, и Реми увеличила скорость. Сэм стоял рядом.

– Надеюсь, сегодня все здесь закончить, чтобы мы перебрались на новое место с уверенностью, что здесь искать уже нечего.

– Отлично. Вполне миролюбивый план, – поддержала она.

Вдоль плоского зеленого побережья Луизианы они прошли на запад, туда, где ныряли накануне. Но на подходе Реми указала взглядом:

– Тебе стоит посмотреть вперед.

Сэм взглянул поверх крыши каюты и увидел стоящую на якоре черно-серую лодку. Красно-белый флаг поднят, в воде люди.

– Интересное совпадение, – сказал он. – Наше дайверское снаряжение кто-то выводит из строя, а потом мы находим этих людей точно на нашем месте. – Сэм взял бинокль и несколько секунд разглядывал лодку. – Они как будто выходят из воды. Теперь поднимают буюк и спускают флаг.

– Конечно, – отозвалась Реми. – Знаменитые охотники за сокровищами Фарго, оказывается, ныряли за разбитыми горшками и оленьими рогами. Теперь они это поняли. – Она сбавила ход. – Позволим им уйти. Я не собираюсь нырять на шестьдесят футов, пока они возле нашей лодки.

– Может, они уходят не поэтому. Если мы видим их, то и они видят нас. Попробуем другой маневр. Последи за ними минутку. – Сэм спустился в каюту, вернулся с картой и расправил ее так, чтобы Реми могла ее видеть. – Двигайся вот сюда, к озеру Алому. Когда подойдем, иди петляя по протоку.

– Не совсем понятно.

– Не хочу ставить палки в колеса твоему творческому воображению. Посмотрим, сможем ли оторваться от них.

Реми вышла на нужный курс и стала медленно смещать вперед ручку газа, заставляя двигатель «Шевроле-427» реветь. На почтительном расстоянии она миновала черно-серую лодку и на той же скорости пошла дальше. Через несколько минут Сэм похлопал ее по плечу, Реми оглянулась и увидела: черно-серая лодка мчится за ними.

– Не очень скрываются, верно? Нам предстоит настоящая гонка. – С довольным видом она еще продвинула вперед ручку газа, выжимая «самый полный».

Время от времени, проносясь вдоль побережья Камелада, встречаясь с особенно большой волной, лодка подпрыгивала. Тогда Реми, словно лыжник в прыжке, приседала, но не отпускала руль, а только отклонялась в сторону от брызг, которые приносил ветер. Сэм стоял рядом с ней, после некоторого молчания он сказал:

– Теперь можно чуть медленней. Если они потеряют нас из виду, то могут отвязаться. А нам этого не надо.

– Слушаюсь, – ответила она.

Реми вела лодку так, чтобы преследователи были еле видны. Наконец Сэм произнес:

– Хорошо. Теперь курс на озеро Алое.

Реми повернула направо, прошла по открытой воде и углубилась в проток. В первой же извилине она начала постепенно сбрасывать скорость.

– Эй, Сэм, помоги-ка, – попросила она. – Отправляйся на нос и смотри, чтобы я не наткнулась на какую-нибудь живность или не повредила днище.

– С радостью, – подхватил Сэм, встал на носу и принялся указывать направление. Обнаруживая впереди коряги и отмели, помогал обойти их. Вода была темной и почти непрозрачной, берега протоки заросли камышом и деревьями, увешанными испанским мхом и лианами. По мере продвижения по суше растительность становилась гуще, кроны деревьев начали смыкаться над головой. Немного погодя Сэм попросил:

– Выключи двигатель.

Гудение стихло, лодка почти беззвучно прошла еще несколько ярдов, остановилась и начала дрейфовать к тенистой роще. Где-то позади они слышали рев двигателя черно-серой лодки. Сэм и Реми обменялись кивками, и Реми снова запустила двигатель. Так они шли еще минут двадцать, потом Сэм махнул рукой:

– Приготовь якорь.

– Ты уверен?

– Тебе что-то здесь не нравится?

– Эта духота, тучи moskitov и комаров, и болото, где аллигаторы и знаменитые, но редкие американские крокодилы с трудом справляются с водяными ядовитыми щитомордниками. А еще я только что видела, как от жары и сырости

цапля упала с дерева.

– Прекрасно, – сказал Сэм. – Надо приготовить гидрокостюмы. Они защитят от москитов. Надевай сапоги – мы пойдем пешком. И на всякий случай прихватим ласты, вдруг понадобится ускориться. – Сэм принялся изучать карту и поставил красный крестик примерно в полумиле выше по течению.

– Не слишком далеко? – засомневалась Рэми.

– Им придется потрудиться на славу, чтобы увидеть то, что им понравится.

Когда они приготовились, Сэм тупым концом багра стал отталкиваться от дна, подводя лодку к берегу. Они вышли и сделали несколько шагов по илу. Потом Сэм толкнул лодку так, чтобы она отплыла на середину протока.

– Что теперь? – спросила Реми.

– Теперь нам предстоит большой пеший переход.

– Очаровательно. Веди, – и вслед за Сэмом она пошла по илу среди камышей.

Сэм часто оборачивался и смотрел на жену, двигавшуюся размеренным шагом, со спокойной улыбкой на лице. Минут через двадцать ходьбы Сэм остановился.

– Ты поняла?

– Пожалуй.

– Почему только «пожалуй»?

– Полагаешь, они поставили на нашу лодку следящее устройство с джи-пи-эс?

Он улыбнулся.

– Я его обнаружил, до этого гадал, почему они не повредили двигатель, а потом понял: чтобы мы не особо шарили в машинном отделении.

– Тогда все ясно. Давай дойдем, куда собирались, и посмотрим, следуют ли они за нами в надежде на сокровища.

– Иногда ты меня удивляешь, – произнес он.

– Правда? – спросила она. – Все еще?

Он увел Реми еще дальше в топь, повернул направо, и они сделали широкий круг. А когда вернулись к своей лодке, Реми прошла вперед, на сотню ярдов к повороту, и указала на черно-серую лодку, стоявшую на якоре так, чтобы ее не было видно.

Сэм сел на поваленный ствол, надел ласты и опустил на лицо маску.

Реми положила руку ему на плечо.

– Знаешь, аллигаторов я упомянула не для красного словца.

– Не говори им, что я здесь.

Сэм вошел в мутную воду и исчез, через какое-то время появился у кормы черно-серой лодки, прошел к носу, поднял якорь и отпустил лодку по течению.

Реми отправилась по отмели туда, где возле берега среди камышей они оставили свою лодку. Она багром подтянула ее, подняла якорь и посмотрела на проток: Сэм в черно-серой лодке медленно подплывал к ней. Она увидела, как он ножом перерезал два провода и возится с ними.

На глазах у Реми Сэм соединил эти провода, мотор заработал, и он повел лодку вниз по протоку. Реми запустила двигатель и на небольшой скорости пошла по воде перед Сэмом, вспоминая, где обходила отмели и затонувшие стволы. Через несколько минут она была уже в озере Грязном, оттуда проплыла в озеро Алое, а потом в залив. За ней в черно-серой лодке шел Сэм.

Добравшись до открытой воды далеко от побережья Каминада, они свели лодки и связали их. Реми перебралась на борт черно-серой лодки и улыбнулась:

– Хитро придумано.

– Спасибо, – сказал Сэм.

Они принялись обыскивать черно-серую лодку, особенно тщательно каюту. Через несколько минут Реми подняла синюю папку-скоросшиватель с сотней страниц.

– Они из компании. Слышал когда-нибудь о «Консолидейтед энтерпрайзис»?

– Нет, – ответил Сэм. – Весьма неопределенно. Не указывает ни на что конкретное.

– Наверно, ничего не хотят исключать, – предположила Реми.

– В данный момент они охотники за сокровищами. – Сэм указал на палубу, вернее, на морской металлодетектор, готовый к работе.

– Зачем использовать эту штуку, когда можно просто выследить тех, кто находит сокровища, вывести из строя их оборудование и занять их место?

Сэм снова осмотрел каюту и произнес:

– Их шестеро.

– Две женщины. – Реми кивнула и снова раскрыла папку. – Вот оно. «Полевая группа», есть все, включая снимки и имена.

– Возьмем это с собой.

– Разве забирать чужое не значит переходить черту?

– А разве оставлять шесть человек в болоте в сорока милях от дома не значит переходить черту?

– Наверное, ты прав. – Она закрыла папку и вышла на палубу. – Что делать с их лодкой?

– Где их головная контора?

– В Нью-Йорке.

– Тогда лучше отвести лодку в гавань и привязать там, – предложил Сэм. – Вероятно, ее взяли напротив, и хозяин не хотел бы ее потерять.

Реми перебралась через планшир в их лодку. Сэм протянул ей ласты и маску, потом перебросил в лодку гидрокостюм. Реми перерезала веревку, связывавшую лодки.

– Я обгоню тебя на пути к Гранд-Айлу, – сказала она. – Победитель первым идет в душ.

Сэм включил мотор и двинулся первым. Идя на большой скорости к пристани и подпрыгивая на волнах, они через час пришли к цели – почти одновременно. Сэм привязал черно-серую лодку и выбрался из нее. В украденной толстовке с капюшоном, который набросил на бейсболку, он прошагал по одному причалу и попал на следующий, где привязывала лодку Реми. Она подняла голову и засмеялась.

– Хорошо выглядишь в украденной одежде.

Сэм покачал головой:

– Слишком много улыбаюсь. Это означает, что я ни в чем не виноват и настроен дружелюбно.

Реми наконец привязала лодку, подошла к каюте и подергала новый замок.

– Не виноват? Откровенный не значит невиновный. Отведи меня сначала под горячий душ, потом в хороший ресторан, и мы поговорим о дружелюбии.

Глава 3

Ла-Холья, штат Калифорния, США

Сельма Уондраш сидела за столом в своем кабинете на первом этаже дома Фарго на Голдфиш-Пойнт в Ла-Холье. В Калифорнии наступал вечер, и, оторвав взгляд от книги, Сельма увидела закат солнца на широких просторах океана. Ей нравилось мгновение, когда солнце замирает на линии горизонта, как желток в яичнице. Внизу, под домом, у подножия утеса катились длинные тихоокеанские волны, и Сельме подумалось: они приходят словно с края света. У нее редко выпадало время почитать что-то ради удовольствия, но Фарго почти месяц находились в Луизиане, и то, чем они занимались, не требовало от нее большой исследовательской работы.

Она пригладила коротко стриженные волосы, на мгновение закрыла глаза и подумала о книге, которую читала: «Грандиозное путешествие» Дэвида Маккалоу – об американцах девятнадцатого века, отправившихся в Париж. Эти люди походили на нее жадной знаний. И для них, и для нее жить означало учиться.

Она подумала, что сумела найти свое место.

В детстве Сельма иногда мысленно рисовала свой портрет – робкое неинтересное существо, «девочка на первой парте, тянущая руку». Она почти с младенчества была вундеркиндом, начала читать с двух лет – и продолжала читать, учиться, изучать, рассчитывать. И вот она здесь, главный исследователь.

Сельма увидела свое отражение в стекле большого окна, выходящего на океан; вот она – невысокая женщина, средних лет, никаких ухищрений, пестрая рубашка, брюки. Впрочем, рубашка и брюки – весьма модный, дорогой японский наряд садовника.

Она уже давно работает на Сэма и Реми. Супруги наняли ее сразу после того, как продали свою компанию, но раньше, чем построили этот дом. Реми тогда объяснила:

– Нам нужен человек, который помогал бы нам в исследованиях.

– Исследованиях чего?

– Всего. Нас интересует всё. История. Археология. Языки. Океанография. Метеорология. Компьютерные науки. Биология. Медицина. Физика. Игры. Нам нужен человек, готовый услышать вопрос и найти способ ответить на него.

– Я этим и занимаюсь, – сказала Сельма. – Многие из этих областей знаний я изучала самостоятельно, некоторым учила. Работа библиотекаря в справочном отделе позволила мне найти много источников и познакомиться с видными специалистами. Я берусь за эту работу.

– Вы даже не знаете, сколько вы будете получать, – удивился Сэм.

– Вы тоже не знаете, – ответила Сельма. – Я возьму минимальное жалованье за три испытательных месяца, а потом вы назовете сумму. Уверяю вас, она будет выше, чем вы полагаете. Узнав меня, вы сможете оценить мой труд.

Она никогда не жалела, что согласилась работать у Фарго, словно искала не работу, а возможность получать деньги за хорошие знания. Сельма даже помогла Сэму и Реми спланировать этот дом, собрала сведения об архитекторах, проектных особенностях, подбирала материалы и дизайн. Поскольку она уже хорошо знала Сэма и Реми, то смогла напомнить им о значении дома в жизни. Она также объяснила, почему необходима первоклассная исследовательская лаборатория.

Зазвонил телефон, у нее мелькнула мысль – попросить ответить Пита или Венди, ее помощников, младших исследователей. Эта мысль продержалась всего несколько секунд, а потом Сельма, как всегда, пала жертвой своего неутолимого любопытства.

– Алло. Резиденция Фарго. Говорит Сельма Уондраш.

– Сельма! – послышался голос. – Meine Liebe, wo sind Ihr Chef und seine sch?ne Frau?[2 - Дорогая, где ваш шеф и его прелестная жена? (нем.).]

– Herr Doctor Fischer. Sie sind tauchen in Golf von Mezico[З - Гепп, доктор Фишер! Они ныряют в Мексиканском заливе (нем.).].

– Ваш немецкий с каждым днем все лучше. Я сделал удивительное открытие и хотел бы обсудить его с Реми и Сэмом. Можно ли немедленно связаться с ними?

– Да. Если дадите ваш номер, я попрошу их позвонить, как только они вынырнут.

– Я в Берлине. Мой номер...

Записывая номер, Сельма подумала, что книгу Маккалоу придется отложить. Альбрехт Фишер – профессор классической археологии в Университете Гейдельберга. Не помешает сегодня вечером просмотреть его последние научные публикации, чтобы понять, что он мог открыть.

– Спасибо, Альбрехт. Я сообщу Сэму и Реми, как только смогу.

В тот же вечер, после романтического ужина в «Гранд-Джатте» (тушеные креветки, краб с мягким панцирем и хлебный пудинг) и прогулки под луной, Сэм и Реми легли в постель – и тут же зазвонил телефон.

Сэм сел на кровати, чтобы взять с туалетного столика телефон; Реми подняла голову.

– Я свой отключила.

– Прости, совсем забыл. – Он провел пальцем по экрану. – Алло?

– Сэм?

– Сельма? – удивился он и посмотрел на Реми.

Та отвернулась и до подбородка укрылась одеялом.

– Надеюсь, я звоню не слишком поздно?

– Конечно, нет. – Он улыбнулся Реми. – Что случилось?

– Звонил Альбрехт Фишер. Он сделал открытие и хочет обсудить его с вами и Реми.

– Он в своем университетском кабинете в Гейдельберге?

– Нет, в Берлине. Он оставил номер.

– Да, записываю.

Она продиктовала номер, и он записал его на листке, вынутом из бумажника.

– Спасибо, Сельма. Как дела дома?

– Все в полном порядке, неважно, в доме ли хозяин и хозяйка или нет.

– Вы ведь не стали бы звонить человеку ночью, только чтобы посмеяться над ним?

– Никогда, – ответила Сельма. – Спокойной ночи! – И повесила трубку.

Сэм прошел на кухню и хотел закрыться там, но Реми уже встала и просунула голову в дверь, не давая ей затвориться.

– Я все равно не сплю. Завтра оба будем усталые.

– Который час в Берлине?

– На семь часов больше, чем в Луизиане.

– Значит, восемь утра.

Сэм набрал номер, подождал, пока установится соединение, и включил громкую связь. Они услышали звонок.

– Алло, Сэм! Wie geht es Ihnen?[4 - Как у вас дела? (нем.)]

– Хорошо, Альбрехт. Сельма сказала, вы что-то хотите обсудить с нами. Мы оба слушаем.

– Да, – сказал он. – Находку, которую я сделал неделю назад. Я привез сюда несколько предметов для исследования и только что получил результат.

– Какой же?

– Друзья мои, полагаю, что нашел совершенно невероятное, и отныне это нужно держать в полной тайне. Это нечто огромное, я не могу вести раскопки в одиночку, даже предварительно осмотреть не могу. Через месяц начинается лето, и опять – я не в силах выразить, до какой степени необходимо сохранять тайну.

– Мы понимаем, необходимо сохранять тайну, но вы не могли бы хоть намекнуть, о чем речь? – спросила Реми.

– Думаю... Мне кажется, я нашел поле древней битвы. Оно выглядит совершенно нетронутым, потревоженным.

Сэм написал на листке бумаги: «Что думаешь?»

Реми на том же листке ответила: «Да».

– Мы прилетим к вам, – сказал Сэм.

– Спасибо, Сэм. Я сейчас в Берлине, кое-что покупаю, кое-что одалживаю. Сообщите мне номер вашего рейса, встречу вас в аэропорту.

– Мы с Реми сядем в самолет утром, но, наверное, проведем в воздухе весь день. До скорой встречи! – Он положил трубку и посмотрел на Реми.

– Надо было спросить, что это за поле битвы, – сказала она.

– Он сказал только: битва древняя. Думаю, можно не беспокоиться о неожиданных артиллерийских сюрпризах.

– Если это в Европе, возможно и такое.

– Он в Берлине, но как будто проводит исследования, а сама находка не там.

Утром, пока они ехали сорок пять миль до Нового Орлеана, Сэм позвонил Рею Холберту и сказал:

– Вчера вечером позвонил наш друг; ему нужна срочная помощь в одном проекте, и мы вынуждены улететь. Прошу прощения за столь поспешный отъезд.

Холберт ответил:

– Не переживайте. Вы проработали у нас целый месяц, и нам будет вас не хватать. Не так уж много у нас добровольцев, которые оплачивают свои расходы и часть наших. Мы будем поддерживать с вами связь, держать в курсе, сообщим обо всех обнаруженных предметах.

– Спасибо, Рей!

– Ах да, кстати, Сэм. Если кто-нибудь захочет найти людей, взявших напрокат черно-серую лодку, откуда вы предложили бы начать?

– Ну, точно не знаю. С протоков в районе озер Алое и Грязное, например. Наверное.

В аэропорту уже ждали заказанные Сельмой билеты. Рейсом «Голландских королевских авиалиний» Сэм и Реми долетели из аэропорта Луи Армстронг в Новом Орлеане до Атланты, а оттуда отправились в Амстердам. Последний перелет, в Берлин, был совсем коротким, и на следующее утро они приземлились в 11:20 в берлинском аэропорту Тегель. Альбрехт Фишер ждал их.

Фишер был высокий, худой, со светлыми волосами, уже кое-где тронутыми сединой, и с некогда светлой, а теперь неизменно сильно загорелой от долгого

пребывания на солнце кожей. На его лице поражали глаза без ресниц. Фигуру облегалo короткое серое спортивное пальто, довольно поношенное, а на шее болтался темно-синий шарф. Фишер пожал Сэму руку и расцеловал Реми в обе щеки. И только когда они направились к выходу из терминала, Альбрехт Фишер заговорил о своей находке:

– Простите, что так мало сказал вам по телефону. Думаю, вы сами все поймете, когда увидите привезенное в Германию.

– Значит, сама находка не из Германии? – спросил Сэм.

– Нет, – ответил Фишер. – Еще там я почувствовал: за нами наблюдают. Мне нужно было провести лабораторные исследования и осмотр, но этим я не решался заняться там. И поэтому вернулся сюда. Коллеги в «Гумбольдте» и в Свободном университете предоставили мне свои лаборатории. Спал я в кабинете сотрудника, который сейчас в отъезде, а душем пользовался в химической лаборатории.

– А почему вы не отправились в свою лабораторию в Гейдельберге?

– Пытаюсь сбить с толку тех, кто интересуется моим исследованием. За работой у меня все время возникает какое-то странное чувство. Я теперь верю: когда за человеком следят, он это чувствует.

Фишер подвел их к своей машине и отвез в отель «Адлон-Кемпински». Пока Сэм регистрировался, Реми наслаждалась красотой отеля: роскошные ковры, изящная мебель, сводчатый потолок, но еще она заметила – Альбрехт Фишер непрерывно наблюдает за людьми, входящими в вестибюль и выходящими из него. Он был взбудоражен, горел нетерпением, но одновременно боялся. Сэм отправил коридорного с багажом в их номер, присоединился к Реми и Фишеру и спросил:

– Поднимемся в номер?

Реми отрицательно покачала головой:

– Полагаю, лучше посмотреть, что нам покажет добрый профессор.

Лицо Альбрехта прояснилось:

– Да, конечно. Я понимаю, вы устали после перелета, но я молчал о находке долго, чуть не сошел с ума. И лаборатория близко.

Сэм и Реми переглянулись, и Сэм согласно кивнул:

– Тогда конечно. Идемте.

Они вышли из отеля; швейцар остановил для них такси и открыл дверцу. Альбрехт дождался, чтобы дверца закрылась, и только потом сказал:

– Университет Гумбольдта, пожалуйста.

Таксист провез их всего несколько кварталов, к памятнику Фридриха Великого перед главным корпусом университета на Унтер-ден-Линден.

Они быстро вошли в здание, которое как будто целиком занимали научные лаборатории – двери с дымчатыми стеклами и номерами на них. За некоторыми открытыми дверями виднелись молодые люди в лабораторных халатах, расхаживающие между черными шкафами с экранами или стоящие у химических приборов и счетчиков, центрифуг и спектрометров. Проходя мимо, Сэм заглядывал во все лаборатории. Реми взяла его за руку и тихо произнесла:

– Я знаю, ты вспоминаешь счастливые дни учебы в колледже.

– О чем вы? – спросил Альбрехт. – Я всегда считал, что американские студенты только пьют пиво и ходят на вечеринки.

– Сэм учился в Калтехе. Там сначала работали в лабораториях, а уже потом пили пиво и ходили на вечеринки.

– А я вспоминаю некоторых студентов этого университета. Здесь учился один очень перспективный студент, такой Альберт Эйнштейн.

Реми заметила:

– А до него здесь учились Гегель, Шопенгауэр и братья Гримм.

– Сегодня нам нужны знания, Реми, по истории и по физической археологии, – сказал Альбрехт.

Он остановился у темной лаборатории, достал ключ и открыл дверь. Они вошли, профессор включил флуоресцентное освещение и указал:

– Это здесь.

В комнате вдоль боковых стен выстроились черные шкафы и с полдюжины столов из нержавеющей стали. На одном столе стоял полированный деревянный гроб.

– Кто умер? – спросила Реми.

– Я зову его Фридрихом. – Профессор подошел к столу. – В документах я указал, что это мой двоюродный прапрадед Фридрих фон Шлехтер. Когда я его нашел, то не хотел вызывать лишнее любопытство, поэтому купил в ближайшем городе гроб и нанял гробовщиков, они уложили «прадеда» в гроб. Потом я оформил необходимые документы и перевез в Берлин для похорон. – Он открыл крышку.

Внутри находился потемневший от времени скелет, несколько обрывков чего-то, похожего на истлевшую кожу, и ржавый кусок металла, как будто от лезвия меча.

Сэм и Реми заглянули внутрь. Сэм произнес:

– Да у него в пути отвалилась голова.

Реми пригляделась внимательней:

– Это произошло не в пути. Посмотрите на этот позвонок. – Она показала на верхнюю часть шейного позвонка, где не хватало большого куска. – Это от топора или меча.

– Очень хорошо, – отозвался Фишер. – Когда проведешь с ним много времени, начинаешь лучше понимать, кто он. Исходя из степени износа коренных зубов и хорошего состояния костей, я бы сказал: ему от тридцати до сорока лет. Если вы посмотрите на его левые лучевую и локтевую кости, увидите еще несколько следов. Очевидно, это зажившие раны. Разумеется, причиной его смерти стало обезглавливание. Но имеющиеся следы говорят о нем больше. Это был воин. Очевидно, он дрался каким-то двуручным оружием, противник ударил его по предплечью. Или он пользовался щитом и получил удар из-за него. Но он выжил, и рана затянулась.

– Кстати о мечах и щитах, – сказала Реми. – Вы провели углеродное исследование?

– Да. Использовали осколок бедра на полоске кожаных ремней с фрагмента обуви, а может, ножен. Исследование показало: сохранилось 82,813 процента углерода-14. Я также исследовал останки индивидов, находившихся рядом. Результат тот же самый, он указывает примерно на 450 год нашей эры.

– Четыреста пятидесятый! А где это место? – поинтересовался Сэм.

– В нескольких милях к востоку от Сегеда. В Венгрии.

– Ого! – воскликнула Реми. – И вы полагаете, Фридрих лишь один из многих?

– Да. Сколько их, я пока не знаю. Поле битвы – это, по существу, очень большое массовое захоронение. Место, где находятся тела, ниже окружающей местности; их похоронили обычным путем, или положение изменилось со временем. Я обнаруживал останки на расстоянии в несколько сотен ярдов. Вот, смотрите. – Фишер подошел к следующему столу и разложил на нем другую карту, вычерченную вручную, с нанесенной на нее «решеткой». – Это река Тиса, а вот здесь в нее впадает Муреш. Вот в этом месте на решетке видно, где я нашел Фридриха, а вот здесь я нашел другого индивида, на той же глубине.

– Кем они могли быть?

– Склонен предположить – это гунны. В то время в районе Сегеда была крепость гуннов. Но когда начиналась война, они сворачивали лагерь и отправлялись воевать. Они сражались с остготами, визиготами, римлянами – и из Рима, и из

Константинополя, с аварами, галлами, аланами, скифами, фракийцами, армянами и многими малыми народами, которых поглотили в ходе своих завоеваний. В разное время они объединялись с теми или иными из этих племен против других. Выяснить, кто именно принимал участие в этой битве, будет нелегко и займет много времени.

– Конечно, – согласился Сэм. – Трудно многое сказать о битве, увидев всего два скелета.

– Совершенно верно, – подтвердил Альбрехт. – Хочется быстрее вернуться и начать раскопки. Но есть проблемы.

– Какие? – спросила Реми.

– Площадка большая – обширное открытое поле; при коммунистическом правительстве там было колхозное поле, но уже больше десяти лет ничего не возделывается. Рядом проходит дорога. В нескольких милях – Сегед, современный процветающий город. Если о раскопках станет известно, невозможно будет остановить людей, которые начнут откапывать артефакты себе на память. А истории о находках древних сокровищ в местах античных поселений способны привлечь тысячные толпы. И за день все погибнет.

– Но пока все держится в секрете, – сказал Сэм. – Верно?

– Я только надеюсь, что у меня разыгралось воображение. Но во время раскопок в Сегеде несколько раз складывалось впечатление: за мной шпионят.

– Такое сейчас не редкость, – подтвердила Реми.

– О чем вы?

Сэм пояснил:

– Когда мы были в Луизиане, за нами, там, где мы ныряли, все время следили. Исследовательская группа какой-то компании «Консолидейтед энтерпрайзис».

– Не похоже на археологию. Скорее какой-то бизнес-конгломерат.

– Точное определение, – согласился Сэм. – Их бизнес-план, по-видимому, таков: держаться поближе к перспективному объекту, потом оттеснить тех, кто его нашел, и заняться самим.

– Сэм заставил их пешком идти за нами в болота, а потом одолжил их лодку.

Альбрехт усмехнулся:

– Ну, вы славитесь умением находить золото и драгоценности. А я всего лишь бедный профессор, изучающий людей, живших давно; для них сокровищем был добрый урожай ячменя. Я исследовал эту местность в поисках следов римских поселений. Когда-то это была провинция Рима. А главная причина, почему меня заинтересовало данное место, конечно, в том, что там нет никаких построек.

– Вы имеете представление, кто шпионил за вами в Сегеде? – спросил Сэм.

– Однажды кто-то вломился в мой номер в отеле. Записки у меня были с собой. Мои вещи обыскали, но ничего не взяли. Однако несколько дней подряд я видел большую черную машину с четырьмя рослыми восточноевропейцами в темных костюмах. Три или четыре раза в день я замечал: они следят за мной, иногда смотрят в бинокли и фотографируют.

– Похоже на полицию, – сказал Сэм. – Может, они подозревали вас в каких-то противозаконных действиях – например, вы вывозите из страны Фридриха? Если они знали, что вы археолог, им нужны были сведения обо всех найденных вами артефактах.

Альбрехт с провинившимся видом опустил глаза:

– Я виновен в вывозе Фридриха контрабандой. Но если бы я провел лабораторные исследования в Венгрии, известие о моей находке тут же разошлось бы повсюду. Держать находки в тайне – стандартная процедура. Всякий, кто преждевременно сообщает о своих открытиях, находит раскоп разграбленным, а все научные и исторические ценности уничтоженными. А это место ценнее многих. Возле найденных мной останков людей сохранилось оружие и доспехи, с которыми они умерли. Есть и фрагменты ткани, но в основном кожа и мех. И все это было бы утрачено!

– Конечно, мы уважаем вашу тайну, – сказал Сэм. – И готовы помочь, чем сможем.

– Мы умеем хранить тайны, – подтвердила Реми. – Но может быть, стоит попросить Сельму подумать об этом? Мы воспользуемся ее помощью, она умеет предвидеть, что нам понадобится знать.

– Разрешаете? – спросил Сэм. – Это означает, что будет в курсе весь наш штат, но больше никто.

– Конечно, – ответил Фишер. – Чем больше хороших умов на нашей стороне, тем лучше. А сейчас я хочу убрать Фридриха.

– После того, как мы распакуем багаж и пойдем на ужин. Надеюсь, вы заглянете в наш отель, мы вместе поужинаем, – сказала Реми.

– Вы уверены, что не хотите побыть наедине?

– Мы хотели бы подробнее поговорить о вашем открытии, – пояснила она.

– С радостью, – согласился Альбрехт. – В котором часу?

– В восемь вечера.

– Хорошо. Я немного побуду здесь, все закрою и приготовлюсь. Буду у вас к восьми.

Обменявшись рукопожатием с профессором, Сэм и Реми вышли из здания, миновали огромную конную статую Фридриха Великого и пошли по Унтер-ден-Линден. В западном конце улицы они видели Бранденбургские ворота и рядом с ними отель «Адлон-Кемпински». Шагая по тротуару под липами прочь от университета, они проходили мимо знаменитых улиц: Фридрихштрассе, Шарлоттенштрассе. Оставили позади русское посольство, а затем, недалеко от их отеля, – венгерское.

Вечер был прекрасный, и Реми, высоко задирая голову, смотрела по сторонам.

– О чем ты думаешь? – спросил Сэм.

– Просто гадаю, почему за нами следят.

Глава 4

Берлин, Германия

– Где они? – спросил Сэм.

– Подожди несколько секунд, – тихо произнесла Реми. – Потом оглянись – на семь часов. Там молодая светловолосая женщина, с ней высокий мужчина с бритой головой. – Реми на ходу коснулась своих блестящих рыжих волос. – Блондинка в Берлине, да? Что может быть удивительней? – Она осталась недовольна своим жестом. Достала из сумочки маленькое зеркало и притворилась, будто разглядывает себя и поправляет выбившуюся прядь. – Эта женщина из луизианской группы. И мужчина... Да, он тоже. Их фотографии есть в ноутбуке, который мы стащили у них с лодки. Как им удалось так быстро добраться до Берлина? Мы прилетели всего несколько часов назад, а ведь они не знали, куда мы направляемся.

Сэм пожал плечами:

– Может, у них есть корпоративный самолет.

– Не наняться ли нам в «Консолидейтед энтерпрайзис»? Интересно, какие еще у них льготы?

– Не вовремя они появились.

– Что, по-твоему, мы должны делать?

– Допустим, спросим немецкого адвоката, законно ли следить за нами.

– Давай, – согласилась Реми. – Альбрехт так старается сохранить свое открытие в тайне! Не хочется, чтобы идиоты, которых мы привели за собой, что-нибудь узнали. А их можно депортировать?

– Я предпочел бы, чтобы они остались в Германии, а не поехали в Венгрию.

– Хорошая мысль, – отозвалась Реми. – Давай поговорим об этом с Альбрехтом за ужином.

– Я хотел бы кое-что сделать.

– Что?

– Я вижу только двоих. Надо разделить их.

– После всех ныряний и перелетов я часок отдохнула бы в баре отеля.

Они пошли дальше. У входа в отель «Адлон-Кемпински» Реми поцеловала Сэма и прошла в вестибюль. Сэм сделал несколько шагов и обернулся, желая убедиться, что блондинка последовала за ней. Он увидел, как рослый бритоголовый мужчина неожиданно остановился и сделал вид, будто смотрит в другую сторону. Сэм отправился дальше.

Он быстро прошел мимо Бранденбургских ворот и завернул в Тиргартен, большой городской парк. Тропа под деревьями привела его к Хауптбанхофу – огромному сверкающему металлическому зданию самого крупного в Европе двухэтажного железнодорожного вокзала. Он вошел внутрь, рослый мужчина с бритой головой двигался за ним на некотором расстоянии. Сэм смешался с толпой пассажиров и купил билет на С-бан, через город. Он появился на нужной платформе, как раз когда двери открылись, вошел в вагон и убедился – преследователь сел в другой вагон. Как только двери начали закрываться, он выскочил, пробежал по платформе, спустился по эскалатору к перрону поездов дальнего следования «Восток-Запад» и несколько минут стоял у эскалатора, высматривая высокого мужчину с бритой головой.

Убедившись, что хвоста нет, Сэм по эскалатору поднялся на наземный уровень, оставил Хауптбанхоф позади, нашел удобную скамью в тени и принялся

наблюдать за выходом из вокзала.

Прошло минут двадцать, прежде чем появился высокий. Глядел он мрачно, больше не искал Сэма и смотрел в землю, сунув руки в карманы плаща. После того как бритоголовый оказался довольно далеко, Сэм встал и двинулся за ним.

Мужчина направился куда-то к северу от Аль-Моабита; не останавливаясь, он дошагал до отеля «Тиргартен» и вошел. Сэм выбрал небольшой бар на противоположной стороне улицы, сел за столик у окна и стал наблюдать за отелем. Здание четырехэтажное, не больше шестидесяти номеров. К столику подошла официантка, Сэм улыбнулся и показал на мужчину за соседним столиком; мужчина пил пиво, и официантка принесла Сэму то же самое.

Минут через десять в отель вернулась блондинка. Сэм продолжал наблюдать. Он увидел, как эта женщина появилась в окне четвертого этажа, открыла его и задернула занавеску. Когда он уже допивал пиво, дверь отеля открылась и один за другим вышли четверо членов группы из Луизианы. Трое мужчин и женщина с короткими темными волосами. Они разделились на пары и пошли в одну сторону.

Идя за ними по Тиргартену, Сэм подумал: «Они напоминают компанию молодых бухгалтеров, закончивших работу и решивших вместе выпить». И не удивился, поняв, что их цель – отель «Адлон». Когда преследователи подошли к отелю, двое мужчин направились в соседний ресторан. Двое, похожие на семейную пару, вошли в отель и остановились посреди вестибюля. Держались они несколько неуверенно, оглядывались и рассматривали куполообразный потолок с перекрещивающимися балками. Сэм вошел за ними, быстро проследовал в лифт и поднялся на четвертый этаж – следующий за тем, где был номер Фарго, вышел из лифта и спустился по лестнице.

Он постучал, Реми открыла дверь. Она была в изумрудно-зеленом платье от Донны Каран; Сэм восторгался этим платьем, даже видя его на вешалке, а на Реми оно выглядело волшебным: кожа ее светилась, глаза казались ярче и больше, чем обычно.

– Ого! Мне снится, будто я женился на женщине, которая выглядит точно как ты. Надеюсь, я не проснусь.

– Лесть всегда тебя выручает. И к тому же не забудь: я два часа прихорашивалась. Так каков результат твоей слежки за шпионами времен холодной войны?

– Я выполнил задачу, и новости плохие, – ответил он. – Вся группа, все шестеро здесь. Двое сейчас наблюдают за вестибюлем, еще двое ужинают через улицу. Они, вероятно, будут во второй смене. Не думаю, что до утра мы увидим лысого и блондинку.

– Хорошо, – сказала она. – Теперь моя очередь тревожиться, пока ты принимаешь душ и переодеваешься. Костюм и белая рубашка в том шкафу. Альбрехт придет через полчаса.

– Верно. Пока тревожишься, может, снова позвонишь Генри и спросишь, не знает ли он хороших адвокатов в Германии и Венгрии?

– Я это уже сделала; он не знает, пришлет мне мейл с рекомендациями своего друга, когда мы будем ужинать. Кстати, я умираю с голоду. А ты? Я мечтаю о копченом гусе, шампанском и марципановом торте с тех пор, как услышала разговор об этом в баре.

– Перестань. А то я окончательно оголодаю.

Сэм принял душ и переоделся. Шел девятый час. Когда Альбрехт опаздывал уже на пятнадцать минут, Сэм позвонил на его сотовый, но телефон был отключен и отсылал на голосовую почту. Сэм позвонил портье, чтобы узнать, не приходил ли его друг, потом в ресторан – вдруг тот ждет там.

– Будем надеяться, что он увлекся своим другом Фридрихом и забыл о времени. Если он попросил коллег провести углеродный анализ, возможно, ждет результатов и это его отвлекло, – озабоченно предположил Сэм.

– Попробуем позвонить домой.

Реми достала телефон и позвонила.

– Привет, Реми!

– Привет, Сельма! Мы как будто потеряли Альбрехта.

– Что значит «потеряли»?

– Он должен был прийти к нам в отель полчаса назад, но не пришел, не позвонил и не отвечает на звонки. Я подумала, может, он оставил вам сообщение, но, видимо, не оставил. Нет ли у вас других его номеров? Он остановился в кабинете одного из профессоров Университета Гумбольдта.

– Только домашний и номер кабинета в Гейдельберге.

– Вероятно, это тупик.

– Я могу еще что-нибудь сделать?

– На самом деле да. Постарайтесь что-нибудь узнать о компании «Консолидейтед энтерпрайзис».

– Американская компания?

– Я кое-что читала; там говорится: их головная контора в Нью-Йорке, но здесь мы видим шестерых их людей.

– Займусь этим.

– Спасибо, Сельма. Они как будто следят за нами. И если они подстерегли Альбрехта, то у нас возникнут сложности. Он немного параноик и может отправиться во Францию, чтобы сбить их со следа.

– Дам вам знать, кто они и что они.

– Спокойной ночи, Сельма! – Реми снова спрятала телефон в сумочку и повернулась к Сэму. – Ничего. Есть еще идеи?

– Ну, у тебя есть два варианта – оставаться здесь и хранить нетронутой свою красоту или наденешь что-нибудь практичное, и мы пойдем искать его.

Реми пожала плечами:

– Я уже показала себя во всей красе единственному парню, на которого хочу произвести впечатление. Брось последний взгляд, а потом я надену джинсы и кроссовки.

– Прости!

Она сбросила туфли на шпильках, открыла небольшой холодильник, взяла шоколадный батончик и откусила.

– Вот. Поужинай, пока я переодеваюсь. – Она отдала ему батончик и повернулась, чтобы он мог расстегнуть молнию на платье.

Через несколько минут Сэм и Реми быстро шли по Унтер-ден-Линден к Университету Гумбольдта. На улице былолюдно, горожане и туристы прогуливались под двойным рядом лип и наслаждались вечером в начале лета. Сэм в четвертый раз оглянулся через плечо и сказал:

– Не вижу преследователей.

Реми ответила:

– Вероятно, они знали, что у нас зарезервирован столик в ресторане, отмеченном мишленовскими звездами, и решили: по меньшей мере три следующих часа мы будем заняты.

– Ты тревожишься?

– Все больше и больше, – сказала она. – Альбрехт Фишер – не рассеянный профессор, привык руководить факультетом, читать лекции, писать и способен создавать грандиозные умозрительные конструкции, опираясь на немногочисленные факты. Он не из тех, кто просит друзей прилететь к нему через полмира, а потом забывает о них.

– Не будем гадать, – остановил ее Сэм. – Мы почти пришли.

Они добрались до лабораторного здания, куда несколько часов назад их привел Альбрехт. Наружная дверь по-прежнему оставалась открытой. Кое-где в лабораториях на верхних этажах горел свет. Они дошли до лаборатории Альбрехта, в ней было темно.

– Мы могли разминуться с ним, – предположила Реми.

– Скорее всего нет. Я разглядывал толпу, чтобы заметить преследователей. Но он мог заглянуть куда-нибудь, чтобы переодеться к ужину, и мы не знаем, с какой стороны он пришел бы.

Сэм осторожно коснулся дверной ручки, та повернулась. Он открыл дверь, протянул руку и включил свет. Гроб с останками Фридриха исчез. Лабораторные столы, прежде стоявшие двумя аккуратными рядами, были хаотично сдвинуты, а два перевернуты. Два стула, похоже, кто-то швырнул через комнату. Пройдя в глубь лаборатории, Сэм и Реми увидели большие пятна крови и след, ведущий к выходу. На полу лежал шарф Альбрехта. Сэм поднял его и сунул в карман пальто.

Реми достала телефон, быстро набрала номер и поднесла трубку к уху.

– Полиция? – спросил Сэм.

– Да. В Германии у них номер 1-1-0. – Она услышала фразу на немецком и сказала: – Здравствуйте. Я могу говорить с вами по-английски? Хорошо. Полагаю, нашего друга похитили. Выкрали. Мы с мужем должны были встретиться с ним в отеле в восемь вечера. Он не пришел, и сейчас мы в его лаборатории в Университете Гумбольдта. Здесь кровь на полу, мебель перевернута и кое-чего не хватает. – Она слушала. – Меня зовут Реми Фарго. Спасибо. Мы будем ждать у входа в здание.

Сэм и Реми выключили свет, вышли из лаборатории и спустились ко входу. Раздался вой европейских сирен. Они звучали все ближе. Открыв дверь, Фарго увидели: со стороны Фридрихштрассе показалась полицейская машина. Она остановилась перед зданием, вышли двое полицейских.

– Здравствуйте, господа! – произнес Сэм. – Вы говорите по-английски?

– Я немного, – ответил один из полицейских. – Вы герр Фарго?

– Да. А это моя жена Реми. Пожалуйста, идемте с нами. Увидите, что мы обнаружили.

Он и Реми провели полицейских в лабораторию и включили свет. В комнате полицейские как будто успокоились – теперь чувствовали под собой прочную почву: здесь произошло преступление и они главные. Разглядывая следы насилия, полицейские задавали вопросы и делали заметки:

– Как зовут вашего друга? Он профессор «Гумбольдта»? Если он профессор в Гейдельберге, почему лаборатория у него здесь? Какова природа его работы? Был ли у него соперник, который мог бы сделать такое?

Сэм вздохнул:

– Когда профессор Фишер находился в Венгрии, он заметил: за ним следят, за ним ездили четверо в машине. Он не знал, кто они такие.

– Что-нибудь еще?

– Мы только сегодня прилетели из Штатов, из Луизианы, из археологической экспедиции в Мексиканском заливе. Там шесть человек, которые работают на компанию «Консолидейтед энтерпрайзис», следовали за нашей лодкой туда, где мы ныряли, а потом вывели из строя наше оборудование. Сегодня утром, выйдя из отеля, мы заметили двоих из этих шести. Они следили за нами.

– Как нам их найти?

– Они остановились в отеле «Тиргартен», – сообщил Сэм. – На четвертом этаже.

Полицейские несколько секунд совещались, потом говоривший по-английски кому-то позвонил, наконец сказал:

– Мы бы хотели, чтобы вы поехали с нами.

– Куда?

– В отель «Тиргартен».

Когда они приехали в отель «Тиргартен», там уже стояли шесть полицейских машин и их ждал офицер. Полицейские, приехавшие с Сэмом и Реми, называли его гауптманом. Он представился:

– Мистер и миссис Фарго? Я капитан Кляйн. Мои подчиненные уже беседуют с американцами, возможно похитившими вашего друга.

Сэм сказал:

– Мне несколько неловко от мысли, что эти люди похитители. Да, они вели себя неэтично, но не похоже, что их метод – насилие.

Капитан Кляйн пожал плечами:

– По вашим словам, они испортили ваше оборудование и, вероятно, подвергли опасности вашу жизнь. Иногда преступники процветают, потому что не похожи на типичных преступников. Скоро узнаем.

Рация Кляйна затрещала. Он произнес в аппарат:

– Ja? – Мужской голос что-то проговорил, и Кляйн коротко ответил. Потом сказал Сэму и Реми: – Вашего друга в их номерах нет. Мои люди обыскивают другие места: подвал, кладовые, прачечные, офисы и так далее.

– А как насчет образцов? – спросила Реми. – У них нет законных оснований владеть древними артефактами или останками. Они в Европе всего несколько часов.

– Вы можете опознать предметы, если видели их?

– Некоторые, – ответила она. – Профессор Фишер показывал нам скелет древнего воина, там были также ржавые части меча или кинжала, часть кожаных ножен или ремня. И у него имелась карта с «решеткой», на которой показано, где он это нашел.

– А где он это нашел?

– Где-то в Венгрии, – сказал Сэм. – Капитан, я был бы благодарен, если бы описание находки и ее местонахождение не предали огласке. Профессор Фишер держал все это в тайне. Если новость распространится, раскопкам будет грозить опасность. Я лично гарантирую: обо всех находках будет сообщено правительству и получены все разрешения.

– Спасибо за откровенность. Постараюсь не разглашать полученную информацию. – Опять затрещала рация, и капитан стал слушать. – Danke. – Сэму и Реми он сказал: – Наверху готовы к нашему приходу.

Сэм, Реми и гауптман Кляйн поднялись в узкой кабине лифта на четвертый этаж и подошли к открытой двери. Там их ждал полицейский. Они вошли. В комнате находились шестеро американцев, их Сэм и Реми впервые увидели на лодке в Луизиане. Трое сидели на диване, трое – за маленьким столиком у окна. Теперь, когда они оказались близко, а комната хорошо освещена, Сэм увидел красные пятна – укусы moskitov, несколько солнечных ожогов и множество царапин, оставленных ветками густой растительности.

– Вы узнаете этих людей? – спросил Кляйн.

– Да, – кивнула Реми.

– Я тоже, – подтвердил Сэм.

Капитан Кляйн сказал:

– Как вы и предсказывали, у них удостоверения сотрудников «Консолидейтед энтерпрайзис» в Нью-Йорке. С сожалением должен сообщить: все они здесь. Я надеюсь, один или двое из них будут с вашим пропавшим другом.

Молодая блондинка встала из-за стола и сердито спросила:

– Что делают здесь эти люди?

– Мистер и миссис Фарго сообщили об исчезновении своего друга. Вы их знаете?

– Да, – ответила она. – Они угнали нашу лодку и бросили нас в болотах Луизианы. Мы могли там погибнуть.

– А теперь они в чужой стране добились того, что вы задержаны по обвинению в очень серьезном преступлении. На вашем месте держался я бы от них подальше.

– Ложному обвинению! – воскликнул высокий мужчина с бритой головой. – Я требую нашего адвоката.

– Ложны или истинны обвинения, но задержание есть задержание, – подчеркнул Кляйн. – Мы просто пытаемся установить одну группу подозреваемых. Поверьте, вы еще скажете нам спасибо, что мы задерживаем вас сейчас. Похищение всемирно известного немецкого ученого – серьезное обвинение. Наверное, вы бы не хотели, чтобы вас судили за это в Берлине. – Кляйн отошел от них и поманил Фарго.

Они вышли в коридор и закрыли дверь. Кляйн сказал:

– Мои люди тщательно обыскали их номера. Не нашли ни костей, ни ржавых предметов, ни записок или карт.

– Я не думаю, что именно эти люди похитили Альбрехта Фишера, – начал Сэм. – Мы видели: двое из них шли за нами по Унтер-ден-Линден до нашего отеля. Потом мы видели: четверо остальных подошли к нашему отелю и разделились. Они как будто не действовали против Альбрехта, но могли схватить его вскоре после нашего ухода из лаборатории.

– Возможно, это группа наблюдателей, участвующих в более масштабном заговоре, – предположил Кляйн. – Они по-прежнему не могут объяснить, почему преследовали вас и следили за вами. Очевидно, это конкуренты, пытающиеся украсть открытие Альбрехта Фишера. Я сейчас отведу их в участок и попробую определить, что им нужно.

– Мы определенно не возражаем, – согласилась Реми.

– Мы также попросили официальные власти следить за нашей границей в поисках профессора. Но если он провел в руках похитителей несколько часов,

его уже могли увезти. – Кляйн проникательно посмотрел на них. – Да вы и сами это поняли. Вы тоже уезжаете из Берлина, верно?

Сэм ответил:

– Кто-то похитил Альбрехта Фишера и украл его заметки, образцы и фотографии. Не знаю кто – друзья этих людей или какие-то третьи лица. Но я знаю, куда его отвезут.

– В таком случае желаю удачи! Будь он моим другом, я поступил бы так же. Доброй ночи!

Глава 5

Сегед, Венгрия

В тот же вечер Сэм и Реми выписались из отеля «Адлон-Кемпински» и на такси отправились на Хауптбанхоф, где днем Сэм ушел от хвоста. Они сели на поезд, идущий на юг по штатдбану – городской железной дороге, но доехали только до аэропорта Шёнефельд и успели на самолет в Будапешт. До аэропорта Ферихедь полтора часа лета. Оттуда на поезде добрались до будапештского вокзала Ньюгати и пересели на другой поезд, который должен был увезти их за сто семьдесят километров, в город Сегед у южной границы.

Выйдя утром из здания вокзала, они увидели длинный ряд такси, ожидающих пассажиров. Сэм оставил сумки Реми, а сам прошел вдоль шеренги машин, спрашивая у каждого шофера: «Вы говорите по-английски?» Если шофер качал головой или удивлялся, то он переходил к следующему. К четвертой машине прислонился смуглый худой мужчина с печальными карими глазами и щеточкой усов. Трое других таксистов слушали его рассказ и смеялись. Услышав вопрос Сэма, он поднял руку и спросил:

– Вы просто любопытствуете или действительно говорите по-английски?

– Говорю, – ответил Сэм.

– Хорошо. Тогда вы сможете поправлять меня, если я допущу ошибку.

Его английский был превосходен. Легкий акцент свидетельствовал – языку он учился у британца.

– Мне кажется, вы можете поправлять меня, – сказал Сэм.

– Куда вас отвезти?

– Во-первых, в наш отель. А потом мы хотели бы посмотреть город.

– Хорошо. Значит, в отель «Сегед».

– Откуда вы знаете?

– Это хороший, респектабельный отель, а вы кажетесь разумными людьми. – Таксист положил их сумки в багажник и повел машину. – Вы не пожалеете, если у вас найдется время осмотреть Сегед. Это родина лучших колбасок и лучшей паприки.

– Мне нравится архитектура. Здания очень интересных цветов, в основном пастельных; стиль барокко со всеми его отличительными особенностями делает их особенно примечательными, – поделилась наблюдениями Реми.

– Отчасти это хорошо, а отчасти плохо, – сказал шофер. – Сначала плохое: в марте 1879 года река – это Тиса, вон там, – разлилась и уничтожила весь город. Потом хорошее: люди начали думать над тем, что строят.

– И все получилось. Для города со ста семьюдесятью пятью тысячами жителей – грандиозно!

– Вы читали путеводители.

Реми пожала плечами:

– Способ скоротать время в поезде.

Шофер остановился перед входом в отель, достал из багажника сумки Фарго, поставил у входа и протянул Сэму карточку.

– Вот моя карточка. Меня зовут Тибор Лазар. Можете спросить обо мне у администратора; вам скажут: я надежен и честен. Здесь работают два моих двоюродных брата.

– Спасибо, – поблагодарила Реми и спросила: – Нам позвонить, когда мы будем готовы, или вы подождете?

– Я подожду здесь.

Швейцар уже занес их сумки в вестибюль. Они зарегистрировались и пошли в свой номер.

Сэм сел на кровать и стал в своем айпаде рассматривать гугл-карту.

Реми шепотом поинтересовалась:

– Что ты ищешь?

– Поле. Мы знаем, рано или поздно похитители отведут Альбрехта к его находке, чтобы он показал им, где копал.

– Ты нашел поле на карте?

– Пытаюсь. Оно на восточном берегу Тисы, к северу от реки Муреш. Я помню, это недалеко от места слияния рек. Альбрехт использовал его, чтобы ориентироваться по карте.

– Я тебе кое-что скажу. Когда мы были в лаборатории и спросили Альбрехта, можно ли поделиться подробностями с Сельмой, я сфотографировала на телефон карту, чтобы Сельма знала, о каком месте речь. – Реми достала телефон и показала снимок карты.

Сэм поцеловал ее в щеку:

– Отлично! – Он позвонил Сельме и включил громкую связь.

– Сельма слушает. Выкладывайте.

– Привет, Сельма! Вы получили от Реми снимок карты?

– Да. Полагаю, это место, где работал Альбрехт.

– Верно, – подтвердил Сэм. – Он разрешил ввести вас в курс дела, поэтому Реми сфотографировала карту и отправила снимок. Проблема в том, что вчера вечером Альбрехт не пришел к нам на ужин, его похитили из лаборатории в Берлине. Полиция следит за самолетами и железной дорогой, но боюсь, эти люди увезли Альбрехта раньше, чем мы сообщили о похищении.

– Это были люди из «Консолидейтед энтерпрайзис»?

– Не знаю. Едва ли они могли чем-то заслужить пожизненное заключение в тюрьме чужой страны. Здешние полицейские задержали их на время, и нам это выгодно.

– Вы сейчас в Сегеде?

– Да.

– Я на компьютере сопоставила карты рек, чтобы понять, где копал Альбрехт. Я знала, вам это понадобится.

– Нам действительно это нужно, – произнесла Реми. – Никто не стал бы похищать Альбрехта ради выкупа. Он небогат, только умен. Им надо, чтобы он привел их на раскопки и, возможно, поделился всеми данными.

– Чем я могу помочь?

Сэм попросил:

– Во-первых, вышлите мне по электронной почте обычную карту дорог с обозначенным раскопом Альбрехта.

– Получите через минуту.

– Обычные преступники не похищают профессоров. Нам нужно знать, кто заинтересован в раскопках в той области, законных и незаконных.

– Я проверю через Интерпол, кто в последнее время занимался контрабандой артефактов из Венгрии и вообще из Центральной Европы. Свяжусь также с кураторами музеев и антикварами. Если я правильно запомнила дату, это 450 год нашей эры?

– Верно. И еще одно. – Сэм достал карточку, которую дал ему таксист. – Пожалуйста, проверьте таксиста из Сегеда по имени Тибор Лазар. Он ждал у вокзала, когда мы приехали, и говорит по-английски, как среднестатистический лондонец. Посмотрите, так ли он хорош.

– Сделаю. Еще один вопрос к Интерполу.

– Спасибо, – сказала Реми. – А мы здесь тем временем постараемся привлечь к себе внимание.

– По-вашему, это хорошая мысль?

– Ну, в данный момент – единственная, – ответила Реми. – Если мы будем делать то, что делал Альбрехт, тогда те, кто заметил его, как-нибудь отреагируют.

– Будем надеяться, что отреагируют они иначе. Передам вам информацию, как только добуду. Карта уже у вас на айпаде, место раскопок отмечено. До свидания! – закончила разговор Сельма.

Сэм выключил айпад. Реми задала вопрос:

– Готов к экскурсии?

– Жду с нетерпением.

Они вышли на улицу, их ждал таксист Тибор, он открыл для них дверцу и, когда они сели на заднее сиденье, поинтересовался:

– Хотите посмотреть город?

– Да, – ответил Сэм. – Можно начать с реки?

– Конечно, – отозвался таксист. – Нынче хороший год, с Тисой все благополучно: ни наводнений, ни засух, ни разлития химикалий выше по течению. В прошлом году все это мы получили.

Сэм смотрел на свой телефон: на экране была карта Сельмы.

– Река, похоже, большая.

– Она протекает по северу Венгрии, примерно тысячу километров по Украине и впадает в Дунай на границе с Сербией. С древних времен это очень важная река. Здесь, в южной части обширной равнины, редко выпадают дожди. Но вода льется с Карпатских гор, с Украины, а Муреш течет из Румынии и приносит растаявший снег и дожди с гор Трансильвании.

– Наверно, с древних времен русло реки менялось? – предположила Реми.

– Много раз. Река медленная, извилистая, сильно петляет по равнине. Но человек ничего не оставляет в покое. В 1846 году граф Иштван Сеченьи начал выпрямлять ее, сократил Тису до тысячи километров, ликвидировав петли. И теперь есть около шестисот километров сухого русла. В конце девятнадцатого века начались попытки усовершенствовать реку. Может, было еще что-то, чего я не помню или о чем не слышал. Но в 1937 году поняли: нужно заняться уничтоженными частями. Теперь река течет прямо, но наводнения по-прежнему бывают – и даже хуже прежнего. Протоки забиты илом. Но всякий раз, когда рождаются новые политики, они берутся за реку.

– Вы сможете проехать по вон тому мосту впереди и показать нам другой берег реки?

– Конечно, – ответил Тибор. – Мы называем эту сторону Уй-Сегед – Новый Сегед. Старый город весь на западном берегу.

– А восточная сторона действительно новая?

– Она, конечно, всегда была здесь, но город рос преимущественно на пустых местах.

Машина проехала по низкому, недавно выкрашенному металлическому мосту. Фарго смотрели вниз, на реку.

– Проедем несколько миль по этому берегу?

– Конечно, – ответил Тибор. – Сегодня прекрасный солнечный день. Наш город самый красивый в Венгрии.

Они ехали довольно долго, наконец Сэм понял: они на местности, обозначенной на карте Альбрехтом. Это было обширное заброшенное поле, заросшее люцерной.

– Что это за земля справа от нас? – спросила Реми.

– Это? Да просто старая ферма. Раньше здесь пасли скот. В моем детстве, при коммунистах, это была часть большого фермерского коллективного хозяйства. С тех пор Венгрия участвует в программе очищения Дуная, принятой и соседними странами. Ферму закрыли. Слишком много грязи и отходов у реки.

– Можно остановиться и посмотреть?

– Разумеется. – Тибор съехал на обочину и остановился.

Сэм и Реми немного прошли по полю.

– Что ж, пришли, – констатировала Реми, – но я никого не вижу.

– Никаких следов недавних раскопок, – заметил Сэм. – Должно быть, Альбрехт, уезжая, засыпал раскоп, и его никто не потревожил.

– А если Альбрехт убедил похитителей, что его находка в другом месте?

– Сомневаюсь. Сельме понадобились только очертания реки, чтобы найти место, а ведь Альбрехт знал – когда он был здесь, за ним следили. У меня очень сильное ощущение: его держат где-то здесь поблизости. Его должны были привезти сюда, чтобы он показал им раскоп и объяснил, что искать, или чтобы показывать ему найденное.

– Вероятно, это так. Но как нам его найти?

Сэм посмотрел поверх головы жены и произнес:

– Похоже, наблюдатели нашли нас.

Реми обернулась и увидела большую черную машину, та остановилась выше на дороге, шедшей по этому берегу вдоль реки. Человек с острым зрением разглядел бы в машине несколько голов над сиденьями. Реми достала телефон и сняла несколько участков поля, реки, а потом и дороги, где стояла черная машина.

– Альбрехт упоминал большую черную машину с четырьмя людьми, – сказал Сэм. – Как думаешь, твой телефон разберет на таком расстоянии номер?

– Надеюсь, но у меня такое чувство, будто нам предстоит взглянуть на этот номер поближе, – ответила Реми.

Они вернулись к такси. Тибор спросил:

– Вы знаете людей в той черной машине?

– Нет, – ответил Сэм. – А вы?

– Едва ли. Минуту назад я видел блеск. Один из них разглядывал нас в бинокль. Я правильно назвал этот предмет? – И он поднес к глазам руки, сделав кольца из

пальцев.

– Да, правильно, – улыбнулась Реми. – Их, вероятно, просто удивляет, что это мы делаем на старом скотном выгоне.

– Хорошо.

Тибор тронул машину с места, развернулся на сто восемьдесят градусов и через несколько минут поехал по мосту через реку. При этом он то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора.

– Вы уверены, что не знаете их?

– Абсолютно, – ответила Реми. – Мы впервые в Венгрии.

Они проехали на площадь Мучеников, казненных после поражения революции 1848 года, осмотрели площадь Героев, здание парламента Венгрии, площадь Иштвана Сеченьи – весь центр города. Район утопал в цветах, деревьях, а здешние барочные здания казались нереальными.

Тибор перевозил их с места на место, и Сэм и Реми постоянно видели черную машину. Когда они неожиданно остановились в центре города, машина едва не поравнялась с ними. Реми сделала еще один снимок через заднее окно.

Тибор заметил это и поделился:

– Такие люди напоминают мне жизнь при коммунистах. Тогда похожие на них граждане не работали, а только следили за другими и докладывали куда следует.

– Хотела бы я знать, кому эти докладывают о нас, – поинтересовалась Реми.

– Интересно, сможем ли мы это узнать, – ответил Сэм. – Скажут нам в полиции, чья это машина, если мы сообщим ее номер?

– Думаю, да, – произнес Тибор.

Реми увеличила снимок, сделанный через заднее окно, достала из сумки листок бумаги, переписала номер и протянула листок Сэму.

– Я удвою вашу плату, если узнаете. Вот номер, – Сэм над сиденьем протянул листок Тибору.

Тот поставил машину на стоянку у отделения полиции и исчез внутри.

Сэм набрал номер своего дома и сказал:

– Привет, Сельма!

– Привет, Сэм! Я как раз собиралась вам сообщить то, о чем вы спрашивали.

– Давайте отложим. Сейчас пришла минута, когда мы должны знать, хороший или плохой парень Тибор Лазар.

– У меня есть предварительный ответ. Он не делал ничего такого, что привлекло бы внимание полиции или Интерпола. Владеет небольшим домом и маленькой таксомоторной компанией. Никаких указаний на то, что это какое-то прикрытие. В компании три машины, все – его собственность. Он слишком беден, чтобы быть нечестным.

– Отлично, – отозвался Сэм. – Спасибо, Сельма.

Тибор вышел минут через двадцать, сел на свое место, и машина тронулась. Выезжая с парковки и двигаясь вперед, он назвал:

– Бако.

– Бако?

– Арпад Бако.

– Вы знаете, кто он? – спросила Реми.

– Я расскажу о сведениях из полиции, пока мы едем. – Тибор подъехал к реке и повернул на юг, увеличив скорость, посмотрел в зеркало заднего обзора, как будто ожидал, что за ними следят. – Начнем с вас. Вы Сэмюэль и Реми Фарго из Ла-Хольи, штат Калифорния.

– Это мы знаем. – Реми улыбнулась.

– А вы знаете, что это известно местной полиции? Она действует согласно указанию центральных органов власти. Ее попросили присматривать за вами: когда вы выходите из отеля, когда возвращаетесь и так далее. Полиция считает: вы здесь ищете древние сокровища. Вы охотники за сокровищами?

– Мы – историки-любители, – ответил Сэм. – Сделали несколько открытий в воде и на суше. Но самые важные наши находки сработаны из дерева, бронзы или стали и драгоценны тем, что раскрывают прошлое. Да, некоторые наши находки действительно были из золота и драгоценных камней. Но считать нас просто охотниками за сокровищами – большое упрощение.

Реми добавила:

– Мы никогда не грабим раскопы, как делают охотники за сокровищами. Мы регистрируем найденное место у властей страны, где обнаружена находка, получаем разрешение на раскопки и сообщаем обо всем найденном. В большинстве случаев наши находки передаются государству.

Тибор сказал:

– Говорят, вы очень богаты. Это правда?

Реми улыбнулась:

– Это не ложь. Просто недопонимание. Сэм инженер. Несколько лет назад он изобрел аргонный лазерный сканер, способный на расстоянии распознавать смешанные металлы и сплавы. Мы взяли в банке кредит, столько денег, сколько нам согласились дать, и основали компанию по выпуску и продаже таких лазеров. Если бы мы потерпели неудачу, то за целую жизнь не расплатились бы с долгами. Но компания процветала. Мы были единственными в этом деле.

Крупные производители начали предлагать нам продать свою компанию. Однажды мы получили подходящее предложение, тогда ее продали. Все это произошло до того, как начали искать древние тайны.

– Значит, вам очень повезло, – констатировал Тибор.

– Да, до сих пор нам везло, – согласился Сэм. – И хотелось, чтобы везло и дальше. А стоит поговорить с полицией, если нас в чем-то подозревают?

– Лучше не надо, – предостерег Тибор. – Полиция пока вами не интересуется, пусть так и остается.

– Неужели за нами следили четверо полицейских?

– Нет. Это люди Арпада Бако.

– А кто он такой?

– Я чересчур плохо владею вашим языком, чтобы описать его. Могу сказать: он злой и алчный. Но мало того. Он вор. Он свинья, пес, крыса, змея, таракан! – Следующие две фразы Тибор произнес по-венгерски, потом смолк.

– Плохо, – посерьезнела Реми. – Настоящий зоопарк.

– Простите, – громко произнес Тибор. – Я его ненавижу, ненавидел еще до того, как родился, а с тех пор стал ненавидеть гораздо сильнее.

– Тогда расскажите нам о нем что-нибудь такое, что мы могли бы понять, – попросила Реми. – Чем он зарабатывает на жизнь?

– Он унаследовал семейные бизнесы. Среди них самый крупный – фармацевтическая фабрика. Фармакология, понимаете? Производство таблеток, вакцин и всего такого.

– Понимаем.

– Большая компания. Многие, как я, считают: она так разрослась благодаря наркотикам, их продавали тем, у кого единственная болезнь – страсть к наркотикам.

Сэм спросил:

– Вы говорите, ненавидели его еще до того, как родились. Что это значит?

– Моя семья и его семья сотни лет – по разные стороны баррикад. Его семья действовала против революции 1848 года, из-за них членов моей семьи арестовали за государственную измену. Во время Второй мировой войны эта семья переметнулась на сторону нацистов ради возможности конфисковывать землю и предприятия. Они донесли на моего двоюродного деда, потому что он владел фермой, понравившейся Бако, и того пытали и расстреляли. Следующее поколение Бако стали коммунистами ради привилегий, которыми они пользовались, и управляли черным рынком. Когда это правительство пало, они подкупили новую власть, чтобы завладеть фармацевтическим предприятием. Всякий раз, когда мир переворачивается, Бако оказываются наверху и идут по головам. Арпад худший из худших. Он был в машине, когда его шофер сбил моего второго сына. Машина Бако шла быстрее ста километров в час. Бако потом наплел, что мой сын был карманником, украл что-то и бежал по улице, не глядя по сторонам. И пятеро его людей подтвердили это.

Сэм спросил:

– Достаточно ли вы его ненавидите, чтобы помешать ему получить то, что он хочет? А то и наказать его?

– Я? Да я, Тибор, обеими руками ухватился бы за такую возможность.

– Вчера в Берлине похитили нашего хорошего друга, немецкого археолога. Он сделал здесь открытие и повез находку в Берлин на исследование, потому что боялся: он видел этих четверых, они следили за ним.

– Понимаю, – сказал Тибор. – Бако один из тех, кто утверждает, будто они прямые потомки гунна Аттилы. Несколько лет назад такие люди обратились к правительству с просьбой считать их особой народностью. Это все алчность.

– Алчность? Не понимаю, – сказала Реми.

– Это все из-за могилы. Бако хочет найти захоронение гунна и захватить.

– Могилу гунна Аттилы? – спросила Реми. – Тем хуже для него. Это одно из крупнейших известных захоронений, еще не найденное. А он случайно не родственник еще и Чингисхана?

– Пока нет.

Реми повернулась к Сэму:

– Как думаешь, что нам делать?

– А что можно сделать? – спросил Тибор. – У Бако не просто деньги. У него своя небольшая армия, которая охраняет его самого, его дома и предприятия. Он, несомненно, способен убить человека, чтобы помешать ему найти захоронение, или похитить, если решит, что его можно использовать.

Сэм негромко сказал:

– Мы не собираемся сидеть сложа руки.

– А как вы намерены действовать?

– Найдем нашего друга и увезем, – ответила Реми.

Тибор помолчал и потом задал вопрос:

– На самом деле?

– Да, – ответил Сэм. – Профессор вызвал нас, полагая, что ему потребуется помощь. И не ошибся.

– Сэм, – повернулась к мужу Реми. – Может, не стоит...

– Нет, я уверен – Тибор наш человек, Реми. Тибор, полагаю, мы своего добьемся, но нам нужен венгр, храбрый и ненавидящий Бако. Мы хорошо оплатим вашу работу и ваше время. Если вас арестуют, мы найдем лучших адвокатов. Это будет нетрудно, ведь им придется защищать и вас, и нас.

– Мне сперва стоит показать вам этого человека. Едем в мой гараж за другой машиной.

– Подождите, – остановил его Сэм. – Я хотел бы вначале избавиться от людей, следящих за нами. Позвольте мне вести. Если я успею повредить машину, то заплачу за ремонт и за все связанные с этим неудобства.

Тибор скептически посмотрел на него, но затормозил и пустил Сэма за руль, а сам пересел на пассажирское место. Сэм сделал быстрый «полицейский» разворот, потом еще раз повернул налево и оказался позади черной машины. Тибор ухватился за приборный щиток и нажал на несуществующий тормоз.

– Вам понравится ездить с Сэмом, – засмеялась Реми. – В четырех странах ему запрещено водить.

Сэм увеличил скорость и обогнал черную машину. Та кинулась догонять их, Сэм свел левые колеса с дороги на пыльную обочину и поднял в воздух облако пыли и гравия. Водитель черной машины безуспешно попробовал свернуть, чтобы разминуться с этим облаком, и чуть не потерял управление, машину стало бросать из стороны в сторону.

– Он не очень хорошо водит, – сказал Сэм. – Есть поблизости село и городок с узкими улицами?

– Примерно через две мили очень старая деревня. Она слишком далеко от реки, и наводнения ее не разрушили.

Сэм еще быстрее погнал автомобиль по прямой ровной дороге, но эта дорога больше устроила черную машину – она стала уверенно догонять Сэма. Он оттягивал этот миг, виляя из стороны в сторону, вставая на середину, чтобы не дать поравняться с собой. Впереди показалась деревня, он вдруг резко свернул на встречную полосу. Черная машина шла по правой. Сэм нажал на тормоза, и черная машина пролетела мимо.

Сэм не спеша благополучно свернул на главную улицу деревни, миновал несколько каменных зданий и повернул направо, в проулок такой узкий, что такси едва проходило между домами.

– Осторожней, осторожней! – умолял Тибор.

В конце проулка Сэм остановился.

В заднее стекло Сэм, Реми и Тибор увидели, как черная машина пронеслась мимо проулка.

– Теперь посмотрим, достаточно ли они сердиты или нужно рассердить их еще больше! – азартно произнес Сэм.

Черная машина с визгом затормозила. Быстро сдав назад, она принялась тоже сворачивать в проулок. Сэм выехал из проулка на небольшую открытую площадь и вышел.

– Садитесь за руль, – бросил он Тибору, потом вернулся к выезду из проулка, и взялся за ручки тачки с камнями и приготовился катить ее к выезду.

Но не успел. Послышался удар, потом треск, визг. Вдруг все стихло. Сэм бросил тачку, побежал к такси и прыгнул на заднее сиденье к Реми. Тибор сдал назад, чтобы заглянуть в проулок. Они с Фарго увидели: черная машина застряла между двумя первыми домами. Зеркало было разбито, бока машины стиснуты кирпичными стенами. Мотор ревел, пронзительно, надсадно лязгал металл, но автомобиль не двигался с места. Тибор миновал ряд домов, выехал на дорогу, и они помчались обратно.

Такси подъехало к зданию, похожему на небольшой склад. Там стояли пятеро мужчин в комбинезонах и рабочей одежде.

– Те двое, одетые попрличнее, – указал Тибор, – мои родные братья, остальные двоюродные. – Тибор вышел, поговорил с братьями и вернулся с двумя из них.

Третий вывел из гаража фургон и оставил с работающим мотором. Все улыбались, пожимали руки и жестами показывали – рады знакомству. Тибор сел

за руль фургона, Сэм и Реми – сзади. Они удивились, когда к ним подсел еще один человек. Он представился:

– Меня зовут Янош. Я буду фотографировать.

– Спасибо, – улыбнулась Реми и шепотом спросила у Сэма: – Что фотографировать?

Янош сфотографировал ее и сказал:

– Добро пожаловать!

Тибор вывел фургон из восточной части деревни и поехал дальше по травянистой равнине. Через пять миль они увидели большой комплекс с пятью рядами белых зданий. Здания в основном были низкими, длинными прямоугольниками без окон. Янош нацелил фотоаппарат и принялся щелкать и автоматически перематывать пленку. Пока ехали вдоль высокой решетчатой ограды с колючей проволокой поверху, он продолжал снимать. Миновали охраняемые ворота, похожие на въезд на военную базу, вплоть до вооруженных охранников в серых боевых мундирах.

Реми спросила:

– Зачем охрана?

– Якобы тут для изготовления новых лекарств применяют наркотики и конкуренты могут украсть их тайны. Но истинная причина другая – Бако может здесь вытворять что угодно, и никто ни о чем не спросит.

На протяжении всей поездки Сэм внимательно все рассматривал, но ничего не говорил.

Когда фургон вернулся в гараж, Сэм попросил листок бумаги и принялся давать задания Тибору:

– Я составлю список того, что нам нужно, и дам вам денег на покупку. Если чего-нибудь не найдете, скажите, я закажу авиадоставку. – Продолжая говорить, он

начал писать. – Четыре серых мундира, как те, что на людях Бако. Четыре пистолета с двумя запасными обоймами к каждому и кобуры на черных ремнях. Их оружие показалось мне чешским CZ-75s. Если в Венгрии есть похожая модель, то хорошо. Черные сапоги, четыре пары, высотой до середины икры. Сапоги должны быть начищены, а форма выглажена. И помните – один комплект для Реми, так что нужен размер поменьше. И еще черный собачий поводок и ошейник.

– Что-нибудь еще? – спросил Тибор. – Кроме ошейника?

– Собака.

– Собака? Какой породы?

– Я бы хотел немецкую овчарку. Можно ротвейлера или добермана. Собака должна быть служебной, иметь хорошее чутье, быть обученной и беспрекословно подчиняться.

– В Сегеде есть человек, который натаскивает собак.

– И он ваш двоюродный брат, верно? – спросил Сэм.

– Не все мои братья. Этот – двоюродный брат моей жены. Я узнаю, есть ли у него сейчас хороший пес.

– Можете взять с собой Реми, чтобы она выбрала собаку?

– Могу, но эти собаки знают команды только на венгерском языке. А Реми не говорит по-венгерски.

– Я могу выучить венгерские слова, которые поймет собака, – сказала Реми.

– Все собаки разговаривают с Реми, – сообщил Сэм и посмотрел на Тибора. – Вы с Яношем готовы участвовать? Приняли решение?

– Я предпочел бы похитить Бако и обменять его на вашего друга.

– Если не получится, испробуем что-нибудь еще.

Глава 6

Сегед, Венгрия

Реми Фарго стояла у ворот сетчатой ограды учебной площадки, на которой работали несколько немецких овчарок. Она спросила у двоюродного брата жены Тибора:

– Как зовут этого?

– Дилкош, – ответил он. – Это значит «убийца».

– А этого?

– Хашфель. Сокращение от «хашфельмецё». Это значит «потрошитель».

Она подошла ближе к воротам и протянула руку к засову.

– Мисс, вам туда не надо.

– Конечно надо. Почему им не доверять мне, если я доверяю им? – Реми вошла в ворота и закрыла их за собой. Уверенно подходила к каждой собаке, давала понюхать руку, гладила густую шерсть на холке и шла дальше. Она заметила самого крупного пса на площадке, чепрачного окраса – с черной головой, спиной, хвостом и желтым подпалом. Он сидел отдельно и наблюдал за происходящим. Но теперь пошел к Реми, а на остальных не реагировал.

– А ты кто такой? – спросила она у пса. Он глядел ей прямо в глаза, сел перед ней и понюхал протянутую руку. Она наклонилась, погладила его.

Хозяин собак произнес:

– Его зовут Золтан. Это значит «султан».

– Большой парень, – восхитилась Реми. – Босс.

– Да, мисс. Обычно с незнакомыми людьми он так себя не ведет. – И тут же поправился: – Вообще ни с кем так себя не ведет.

– Он меня понимает. И знает, что такие мне нравятся. – Реми наклонилась и заговорила с собакой: – Как думаешь, Золтан? Хочешь сегодня ночью поработать со мной?

Она как будто получила ответ. Когда она выпрямилась, пес встал и пошел рядом с ней к воротам, и она вывела его. Двоюродному брату жены Тибора она сказала:

– Этот. Пожалуйста, научите меня нужным командам на венгерском.

Дневная смена на «Дьодьсересети Таршашаг Бако» закончилась раньше, чем к воротам комплекса подъехал новый фургон службы безопасности. В темноте фонарь над сторожевым помещением горел ярко. Из-за ограды появились двое вооруженных охранников. Молодой охранник встал за Яношем, водителем, и смотрел мимо него в фургон, а второй, постарше, стоял рядом с Тибором со стороны пассажирского сиденья. Сэм решил, что начальником будет Тибор: он мог говорить в случае необходимости. У Тибора на правом рукаве красовались нашивки, а на кепи – золотая звезда; у остальных – никаких знаков различия.

Когда стражник задал какой-то вопрос, Тибор дал заранее подготовленный ответ: они привезли собаку-ищейку, поскольку одна из лабораторий сообщила, что в нее кто-то заходил. Когда охранник задал второй вопрос, Тибор как будто отыскал в глубине своего сознания высокопоставленного офицера. Он презрительно посмотрел на охранника и устало ответил. Тот начал говорить что-то еще, но Тибор холодно и сердито перебил его, показал на ворота и закричал по-венгерски то, что могло означать только «Открывай! Ты тратишь мое время!».

Охранник, стоявший сбоку от Яноша, смотрел в глубину фургона, улыбаясь Реми. От крика Тибора он вздрогнул и тут же услышал грозное ворчание и увидел в окне огромную овчарку с оскаленными зубами. Парень отскочил, ушел на пост и

привел в действие механизм открывания ворот.

Янош въехал на территорию и повел машину по асфальтовой дороге, у первых зданий повернул; два охранника у ворот перестали видеть фургон. Здесь машина остановилась, и все вышли. Первыми Реми и большой пес, за ними Янош и Сэм; Тибор все время держался чуть в стороне, как строгий сержант у марширующего взвода. Вместе они выглядели очень внушительно и профессионально. Оправдалась предусмотрительность Сэма: все были в выглаженных мундирах, с одинаковым оружием, в одинаковых сапогах, поясах и головных уборах. На плече Реми висела черная сумка. Она потрепала Золтана по голове, произнесла несколько слов по-венгерски, из сумки достала шарф, потерянный Альбрехтом в лаборатории, и дала собаке понюхать. Потом приказала:

– Вадасат! След!

Золтан начал принюхиваться, бегая туда-сюда по асфальту между зданиями. Казалось, поначалу он растерялся, но потом рванулся вперед, потащив за собой Реми. На бегу она еле слышно говорила с ним по-английски:

– Давай, мальчик. У тебя такой прекрасный большой нос – найди Альбрехта.

Остальные двигались в нескольких ярдах за ней, оставляя Золтану возможность иногда возвращаться, однако пес уверенно бежал вперед, опустив голову и поворачивая ее из стороны в сторону; впрочем, ни одно место его не заинтересовало.

Сэм спросил:

– Он не взял след?

Реми ответила:

– Запах у него в голове, и сейчас он ищет. Просто надо позволить ему снова учуять нужный запах.

– Посмотрите туда, – указал Янош.

На краю комплекса, дальше всех от дороги, стояло низкое прямоугольное здание, обнесенное собственной решетчатой оградой с колючей проволокой поверху. Внутри первой ограды была вторая, из четырех туго натянутых проводов.

Сэм предупредил:

– Эта ограда под током. – Он показал надпись на венгерском языке. – Что тут написано?

– «Опасно. Исследовательская лаборатория инфекционных заболеваний. Вход только по пропускам и только в защитных костюмах. Сигнал тревоги включается автоматически».

– Думаете, это действительно лаборатория? – спросил Янош. – Если бы я кого-нибудь похитил, то поместил бы его именно в таком месте.

– Приведи Золтана, – попросил Сэм жену.

Реми подвела пса к воротам. Тот послушно принялся и побежал дальше.

Они продолжали идти и, повернув за угол, нос к носу столкнулись с двумя охранниками, одетыми точно так же, как они. У охранников через плечо висели автоматы «АК-47». Стоявший ближе к Сэму фонариком осветил их лица.

Занятия дзюдо помогли Сэму отреагировать мгновенно. Рука его, мелькнув, словно нападающая змея, выхватила фонарик из руки охранника и направила луч света в лицо второго.

Тибор, изумленный не меньше охранников, опомнился быстро. Он громко и резко заговорил по-венгерски, и это не было комплиментом: Сэм и Реми поняли, что он говорит о внешнем виде охранников и их выучке. Взяв фонарик, Тибор осветил их и увидел, что они небриты; потом показал на пуговицы кителя, которые не блестели. Не понравилось ему и как начищена обувь. Наконец, издав последний грозный рык, он знаком отпустил их.

– Прекрасная работа, – похвалил Сэм.

– Спасибо. Но вы заметили – мы здесь всего десять минут, и уже дважды нас останавливали люди с автоматами?

– Это обнадеживает, – усмехнулся Сэм. – Для честной фармацевтической компании здесь слишком хорошая охрана. Будем надеяться, среди охраняемых есть и Альбрехт Фишер.

Неожиданно большой пес устремился вперед. Поводок в руке Реми натянулся и сильно потащил ее.

– Мы взяли след, – доложила она.

Золтан тащил Реми по дороге между двумя зданиями без окон; остальные не отставали. Сэм и Янош двигались по обеим сторонам Реми и смотрели внимательно, нет ли препятствий; руки их сжимали пистолеты.

Они дошли до строения в самом дальнем углу комплекса; это здание походило на служебное помещение или на склад, но обнесенное решеткой с собственной стальной дверью и кодовым электронным замком. Золтан подошел к этой решетке и обнюхал ее, пытаясь пройти внутрь; он все больше возбуждался, попробовал пролезть под оградой, потом встал на задние лапы, положив передние на решетку.

– ?I[5 - Сидеть (венг.).], Золтан! – скомандовала Реми. – Jo€ fice[6 - Хороший мальчик (венг.).]. – Она потрепала севшего Золтана, а остальным сообщила: – Мы на месте.

– Можно постучать или подождать, пока придет кто-нибудь с карточкой и откроет, – сказал Сэм.

– Я постучу, – решила Реми. – Скройтесь с глаз и возьмите с собой Золтана.

Трое мужчин и собака отошли в тень, а Реми подошла к решетке и нажала кнопку рядом с щелью для карточки. Внутри громко прозвенел звонок.

В стальной двери на уровне глаз открылось оконце, потом закрылось. Стальная дверь отворилась. Показался мужчина в обычном сером мундире и что-то

спросил по-венгерски. Реми рассмеялась, как будто он сказал что-то забавное. Мужчину явно заинтересовало неожиданное появление красивой женщины. Реми ласково улыбнулась ему; он нажал кнопку на внутренней стене здания и открыл дверь в решетке.

Когда Реми вошла, рядом с ней из темноты вдруг материализовался Золтан. Мужчина рефлекторно попытался закрыть дверь, но Золтан оказался проворнее и кинулся вперед, опередив Реми.

Пес с глухим рычанием стиснул челюсти на предплечье мужчины, и тот невольно вскрикнул. Сэм плечом оттолкнул закрывающуюся дверь, и они втроем: он сам, Тибор и Янош – ворвались. Янош закрыл дверь.

– ?! – крикнула Реми Золтану. – Сидеть!

Мужчина, чью руку сжимал Золтан, опустился на пол. Золтан разжал челюсти и тоже сел.

– Joё fice, – похвалила пса Реми. – Хороший мальчик.

Охранник по-прежнему сидел на бетонном полу; Янош отобрал у него оружие и взял его на прицел.

– Сэм!

Все повернулись и увидели в пустом здании нишу, похожую на шкаф для инструментов, забранную стальной решеткой от пола до потолка. За решеткой стоял Альбрехт Фишер.

– Альбрехт! – воскликнул Сэм. – Этот охранник единственный?

– Нет, на дежурстве еще двое. Оба вооружены. Они вышли несколько минут назад за кофе.

Все направились к клетке, и Сэм сказал Тибору:

– Вероятно, это ваши друзья с фонариком и в плохо начищенной обуви.

За решеткой у Альбрехта стояла кровать с металлической сеткой, на ней тонкий матрац, словно койка в военной казарме, и биотуалет. Альбрехт был в том же костюме, что в Берлине; костюм казался грязным и потрепанным, на рубашке темнели пятна крови.

– Приведите охранника, – произнес Сэм.

Янош что-то сказал сидящему охраннику, тот встал и подошел к решетке. Золтан следовал за ним и изредка глухо рычал.

– Возьмите у него ключ, – распорядился Сэм.

Тибор перевел приказ на венгерский, но охранник пожал плечами и что-то ответил. Янош посадил его и пояснил:

– У него нет ключа. – Он подошел к столу у двери и порылся в ящиках, нашел второй замок с ключом в нем.

Сэм попытался вставить ключ в первый замок, тот не подошел, тогда Сэм сказал:

– Велите ему снять мундир и обувь. – И добавил: – Вы тоже раздевайтесь, Альбрехт.

Оба послушались, и Сэм продолжил:

– Альбрехт, отойдите и спрячьтесь за чем-нибудь прочным. Когда я выстрелю в замок, время пойдет. Придется действовать быстро. Альбрехт оденется, как мы, а этого парня оставим в клетке. Потом сразу вернемся к фургону и уберемся отсюда. Если кто-нибудь из охраны схватится за оружие, стреляйте первыми.

Все спрятались за деревянными ящиками, Реми усадила с собой Золтана.

Сэм выстрелил в замок, раздался громкий лязг. Теперь никто не терял времени зря. Янош втокнул охранника в клетку и усадил на кровать. Альбрехт облачился в мундир, пока он старался обуть сапоги, Тибор быстро подпоясал его ремнем и защелкнул пряжку. Сэм запер клетку на второй замок.

Все побежали к выходу. Когда Реми рванула дверь, громко затрещал звонок. Она вздрогнула, Золтан заворчал, но Реми что-то шепнула псу, и он затих.

– Должно быть, вернулись наши друзья в начищенных ботинках. Надо их впустить, – решил Сэм.

Тибор подошел туда, где стражник нажимал на кнопку, открывая дверь, прочел табличку и кивнул. Все отошли в стороны и встали спиной к стене, наизготове с оружием. Тибор нажал на кнопку, а Реми распахнула дверь.

Вошли двое; в руках у них были бумажные пакеты с кофе, автоматы на спине. Как только они очутились внутри, Сэм и Янош вмиг встали за их спинами и приставили пистолеты к затылкам.

Тибор отдал несколько приказов, двое поставили кофе, положили на пол автоматы и легли на живот. Янош снял с их поясов наручники и приковал к стальному столбу, поддерживавшему крышу.

Вышли сначала Реми с Золтаном, за ними Сэм, следом Тибор и Янош с автоматами охранников в руках. Когда Сэм вопросительно взглянул на стволы, Тибор произнес:

– Пусть лучше будут у нас, чем у них.

Группа шла быстро, свободным строем, по дороге между зданиями туда, где остался фургон.

На дороге слева от них, за домами, послышался гул грузовика, потом на мощеной площадке за наружной высокой решетчатой изгородью показался второй грузовик. Беглецы и собака остановились позади здания, используя его как укрытие, и ждали, пока грузовик не проехал вдоль изгороди. Сэм и Реми приблизились к углу здания и выглянули, чтобы увидеть, куда он делся. В открытом кузове на скамьях вдоль бортов сидели человек пятнадцать, все в серых мундирах, все с «АК-47»; автоматы они держали между ног стволами вверх.

Когда грузовик проехал, Сэм вернулся к остальным.

– Через ограду не перебраться.

Неожиданно слева от них за рядом построек послышался топот. Сэм, Реми и Золтан бросились к воротам, остальные за ними.

– Нельзя, чтобы нас загнали в тупик! – крикнул Сэм. – Нужно их опередить!

Все прибавили скорость и быстро оказались перед корпусом лаборатории инфекционных болезней с предостерегающей надписью. Сэм сказал Тибору:

– Пройдите вперед и постарайтесь задержать этих парней. А я им дам новую пищу для размышлений. – Он подождал, пока остальные зайдут за угол и скроются из виду, потом вернулся к лабораторному корпусу и прижался к изгороди.

Прозвучал сигнал тревоги, завывла электрическая сирена. Над воротами вспыхнули красные огни, зажглись прожекторы, освещая пространство перед зданием. Сэм побежал по дороге.

От соседнего корпуса бежали шестеро охранников. Один вскинул автомат; Сэм укрылся за углом здания, выставил из-за угла пистолет и один глаз, пять раз выстрелил. Двое упали, а трое потащили их в безопасное место. Последний из шести, лежа на земле, прикрывал их огнем из «АК-47», поливая пулями место, где только что был Сэм. Но Сэм уже несея к следующей мощеной дороге.

Теперь вдоль построек к лаборатории инфекционных заболеваний двигались несколько групп. Грузовик, который привез охранников, стоял в пятидесяти ярдах перед Сэмом. Сэм обогнул его сзади, проскочил вдоль левого борта, распахнул дверцу, под прицелом пистолета выволок водителя из кабины, забрал из его кобуры пистолет, уложил на землю, сковал наручниками, снятыми у него же с ремня, и прыгнул на его место за руль.

Сэм включил зажигание, на первой скорости повернул налево, потом направо и увидел бегущих по тротуару Золтана, Реми, Яноша, Тибора и Альбрехта. Он переключил передачу; грузовик пошел чуть быстрее. Тибор повернулся к грузовику и вскинул автомат. Сэм помигал фарами, замахал рукой из окна и крикнул:

– Это я! Садитесь!

В следующую секунду Реми очутилась рядом с Тибором, и тот опустил автомат. Четверо побежали к грузовику, а Сэм ехал им навстречу. Наконец все забрались в кузов. Сэм повел машину.

Золтан бежал за грузовиком и скулил. Кузов оказался для него слишком высок, он не смог запрыгнуть. Реми заколотила по крыше кабины:

– Стой, Сэм!

Он остановился. Реми выскочила, подбежала и открыла дверцу кабины:

– Прыгай, Золтан!

Большой пес вскочил прямо на сиденье, Реми тоже запрыгнула и захлопнула дверцу.

– Гони! – выдохнула она.

Грузовик начал набирать скорость, а Реми опустила боковое стекло и выставила наружу пистолет.

Сэм вел машину по дороге между зданиями. Теперь они проезжали в центре комплекса, с обеих сторон тянулись дома. Перед ними на дорогу выбежал взвод охранников, они на ходу приготовились к стрельбе, но Сэм включил фары, а Тибор с Яношем, стоя в кузове за кабиной, открыли огонь. Одного ранили, остальные понеслись в укрытие.

– Придется идти на таран ворот, – решил Сэм. – Скажи всем, пусть держатся.

Реми встала на сиденье, высунулась в окно и крикнула:

– Тараним ворота!

Тибор и Янош прислонились к кабине, сменили магазины у автоматов и посмотрели вперед. Реми держала пистолет обеими руками и тоже смотрела вперед.

Сэм левой рукой выхватил пистолет.

– Надо проехать быстро. Хорошо бы не дать охранникам поднять головы, пока мы не уберемся подальше от их огня.

– Хороший план... действуй, – поддержала она.

– Знаю, среди нас ты единственный чемпион по стрельбе, но лучше не высовывайся. Ты ведь еще и моя единственная жена...

– Очень мило.

– ...На данный момент.

Золтан недоуменно переводил взгляд с Сэма на Реми.

Сэм добрался до последнего угла, сбавил скорость на повороте и поехал мимо фургона, в котором они прибыли сюда. Тотчас двое, прятавшиеся в фургоне, распахнули дверцы. Сэм, Реми и остальные были все-таки далеко, чтобы попасть в них; двое выскочили из кузова, выхватили пистолеты и принялись стрелять вслед беглецам.

– Если бы дверцу фургона открыл кто-то из нас, нам была бы крышка, – заметила Реми.

Приближаясь к воротам, Сэм перешел с третьей передачи на четвертую. Дежурившие охранники перекрыли выезд, и теперь там незваных гостей поджидали пять или шесть человек. Сэм подумал: они уверены, никто не осмелится пробить ворота, и, следовательно, не готовы. Автоматы у них висели за спиной, и эти люди не сделали ничего, чтобы создать дополнительную преграду, хотя у ворот стоял второй грузовик.

– Небольшое изменение плана, – предупредил Сэм, включая фары. – Вели парням лечь.

– Ложись! – крикнула Реми.

Трое мужчин легли на пол кузова; братья смотрели в разные стороны с оружием наготове; Альбрехт, лежащий посредине, смотрел вверх.

Подъезжая, Сэм продолжал увеличивать скорость. Когда до ворот оставалось двадцать пять ярдов, Реми, опираясь на локоть одной руки, выстрелила, держа пистолет в другой; охранник у караульного помещения упал, и Реми еще несколько раз выстрелила по остальным, пытавшимся сорвать автоматы со спины. Сэм выстрелил по ним семь раз, но он владел пистолетом хуже Реми и знал, что лишь усилил их стремление укрыться.

Сэм чуть изменил направление, прошел всего в трех футах от стоящего грузовика и ударил машиной не по воротам, а прямо по изгороди. Она была такой высокой, что крыша кабины прошла под балками, к которым крепились колючая проволока. Грузовик промял секцию решетки длиной сорок пять футов, нижние ее звенья коснулись земли, решетка опрокинулась, и грузовик проехал по ней.

Охранники открыли огонь, но осыпали градом пуль караулку, неподвижный второй грузовик и соседние здания. Как только грузовик с беглецами вырвался за изгородь, Сэм с неровной земли выехал на дорогу. Братья Лазар обстреляли охранников у ворот так, что охранники не рискнули высунуть головы из укрытий.

Сэм быстро вел грузовик по дороге. На повороте он немного сбросил скорость, потом снова увеличил. Когда проехали несколько миль, Тибор постучал по крыше кабины и крикнул Сэму:

– Сейчас поведу я! В этом грузовике нельзя ездить по городу. Я знаю, куда ехать.

Сэм остановил грузовик, уступил место Тибору и перебрался в кузов. Тибор вел машину так же быстро, не доезжая Сегеда, свернул на узкий проселок, несколько раз повернул – Сэм даже не понял, сколько здесь поворотов, – и оказался перед гаражом, из которого они выехали.

Тибор завел машину в гараж, и все покинули ее. Золтан выпрыгнул из кабины и спокойно сел.

– Искренне благодарю всех! – воскликнул Альбрехт. – Если бы вы не рискнули своими жизнями, то я лишился бы своей. Уверен. Я вам обязан жизнью!

– Нужно сделать все возможное, чтобы нас не поймали, – сказала Реми. – Я зацепила пятерых, не меньше. А кое-кого из них, возможно, убила.

Сэм спросил:

– А как же фургон? Его смогут выследить?

– Я его одолжил, – ответил Тибор.

– У кого?

– С одной парковки.

Сэм приказал:

– Всем переодеться в обычную одежду.

Беглецы принялись по очереди смывать остатки пороха и пыль с лиц и рук, затем вышли в обычной одежде и обуви. Альбрехт надел то, что подобрал для него Тибор. Сэм спросил:

– Нельзя ли утопить грузовик в реке? Я знаю, это плохо для рыбы, зато уничтожатся все отпечатки пальцев.

Тибор ответил:

– Грузовик сейчас поведет Янош. Мы потом отвезем вас троих в отель.

Реми, Сэм и Альбрехт устроились на заднем сиденье такси Тибора, а Золтан лежал у них на коленях. Они ехали за украденным грузовиком, пока Янош не свернул к небольшой роще у реки. Он оставил мотор работать, выжал сцепление, выскочил из кабины и смотрел, как грузовик по инерции проехал несколько ярдов, набирая скорость, автомобиль преодолел возвышение на самом берегу, затем тяжело плюхнулся вниз, вода тотчас залилась в кабину. Наконец машина скрылась под поверхностью.

Янош подбежал к такси, открыл пассажирскую дверцу и сел рядом с братом. Легковушка рванула с места. Следующую остановку они сделали у дома брата, инструктора-кинолога. Реми с Золтаном вышла и открыла ворота на площадку. Собаки проснулись от непривычных звуков и запахов новых людей, залаяли было, но узнали Золтана и затихли. Реми наклонилась, прижалась лицом к собачьей морде и что-то прошептала.

Когда она вернулась в такси, Сэм спросил:

– Что ты ему сказала?

– Я сказала, наверно, никогда больше его не увижу, но всегда буду помнить, какой он смелый, и я его люблю.

– И что он ответил?

– «Хочешь, пока ты не ушла, я укушу этого дурака?» Он меня тоже любит.

– Кажется, мы с ним оба ревнуем, – хохотнул Сэм.

Такси тронулось, через некоторое время Тибор подвез их к отелю. Когда они вышли из машины, Сэм протянул таксисту чек:

– Возьмите, Тибор. Я выписал его раньше, чем мы выехали. Завтра или послезавтра отнесите его в банк «Креди Сюисс», там запросят подтверждение у нашего банкира в Соединенных Штатах, но деньги будут на вашем счете.

– Вы уезжаете из Венгрии?

– Пока нет. Но я подумал: если с нами что-нибудь случится, лучше пусть он будет у вас.

Тибор пожал плечами, не глядя сунул чек в карман и сказал:

– Спасибо. Еще одно. В отеле выразите недовольство своим номером, попросите, чтобы вас переселили.

– Я как раз собирался это сделать, – ответил Сэм. – Позвоню вам через пару дней. – Он посмотрел вслед отъезжавшему такси.

Отъехав от отеля, Тибор достал чек и протянул Яношу:

– Я не могу вести и одновременно читать. Что там написано?

– Распоряжение выплатить Тибору Лазару сто тысяч долларов. Похоже, это очень много форинтов.

– Да уж! – выпучил глаза Тибор.

Сэм, Реми и Альбрехт подошли к дверям отеля, но Альбрехт остановился перед входом, чтобы никто не подслушал, и сообщил друзьям:

– Меня похитил безумец Арпад Бако. Он считает, мы ищем могилу гунна Аттилы.

– Полагаю, это вполне возможно. Одно из тех великих сокровищ, которое так и не нашли, – сказала Реми.

– Скорее всего, никогда не найдут, – произнес Альбрехт.

Сэм пожал плечами:

– По крайней мере, нас похищают и обстреливают не из-за горстки мелочи. – Он открыл дверь и пропустил всех в вестибюль, но обернулся и внимательно осмотрел улицу, особенно темные места, где мог бы прятаться человек.

Глава 7

Сегед, Венгрия

Сэм, Реми и Альбрехт сидели в гостиной нового номера на верхнем этаже отеля. Все приняли душ, переоделись и доедали поданный в номер ужин: свежий хлеб, творог керезет и сосиски. К еде подали бутылку венгерского мерло «Балатон Баррик 1991».

– Я, конечно, солгал, – начал Альбрехт. – Я не собирался рассказывать известному гангстеру об одном из крупнейших открытий последних десятилетий. – Он покачал головой. – Честно говоря, я так и не установил, что именно я открыл. Не успел ни провести исследования, ни проконсультироваться с коллегами до того, как меня похитил Бако.

– Что же вы ему сказали?

– Что искал в этой местности следы оккупационных римских войск. Говорил убежденно, я ведь всегда искал в Европе следы римлян. Когда они разбивали лагерь, всегда окапывали его, и устройство этих лагерей одинаково повсюду от Англии до Сирии. Здесь – бывшая Паннония, до появления гуннов римское владение.

– И это его устроило? – спросила Реми.

– Он сумасшедший, а сумасшедшего ничто не способно устроить. Ему нужны погребальные дары гунна Аттилы. Он считает себя его наследником. Если не в буквальном смысле, то в духовном несомненно. И ищет здесь сокровища. В Венгрии мальчикам до сих пор дают имя Аттила. А мы находимся на южной равнине, где Аттила воздвиг свою крепость.

– Возможно, я не очень хорошо помню, но разве сами гробы не драгоценны? – задала вопрос Реми.

– Да, они часть клада, – подтвердил Альбрехт. – Предположительно снаружи железный гроб, в нем серебряный, а внутри серебряного – гроб из чистого

золота. Но и сами гробы могут быть заполнены драгоценными коронами, оружием и украшениями, принадлежавшими всем царям, вождям и епископам, которых победил Аттила. А это, должно быть, большая груда.

– Да, история говорит о целой груде, – согласился Сэм. – Груде...

– Сэм! – произнесла Реми.

– Сэм, вероятно, прав, – поддержал Альбрехт. – Единственный современный отчет о смерти Аттилы принадлежит Приску, послу Восточной Римской империи у гуннов. Приск описал траур и погребение, но не упомянул о сокровищах. О них впервые упомянул Иордан восемьдесят лет спустя. Он выходец из какого-то варварского племени, возможно остготов. Люди полторы тысячи лет искали эти сокровища, но никто ничего не нашел. – Несколько мгновений Альбрехт молчал. – Но никакие соображения вероятности, никакие доводы разума не остановят Арпада Бако. Он убежден: ему суждено найти захоронение Аттилы. И одержим стремлением помешать всем остальным найти его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/klayv-kassler/tomas-perri/sokrovischa-attily/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Бич божий (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Дорогая, где ваш шеф и его прелестная жена? (нем.).

3

Герр, доктор Фишер! Они ныряют в Мексиканском заливе (нем.).

4

Как у вас дела? (нем.)

5

Сидеть (венг.).

Хороший мальчик (венг.).

Купить: <https://telnovel.com/ru/tomas-perri/sokrovischa-attily-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)